

Юрий Мишутин

Ирония,
грусть
и ностальгия

Двадцать шесть
рассказов и одна
повесть

Юрий Ишутин
Ирония, грусть и ностальгия.
Двадцать шесть
рассказов и одна повесть

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22202984
ISBN 9785448354267*

Аннотация

Бандиты и моряки, герои Великой войны и дети, футболисты, лесорубы и забавные животные в условиях промыслового рейса... Морские истории, наивные сказки для взрослых и детские воспоминания. Всё это в одной книге. Спасибо за внимание, друзья!

Содержание

Морские истории	7
Важный гость	8
Африканский вояж	17
Корейские похождения	38
Про Фомича – боцмана, охотника и террориста	51
Фантомы прошлого или Незванные гости	62
Лёхино море	80
Братья наши меньшие...	93
Про Петровича и Бандеру	94
Про весёлую швартовку	107
Конец ознакомительного фрагмента.	111

**Ирония, грусть
и ностальгия
Двадцать шесть
рассказов и одна повесть**

Юрий Ишутин

© Юрий Ишутин, 2017

ISBN 978-5-4483-5426-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В очередной раз приветствую всех, кого заинтересовало моё творчество!

Предлагаю Вашему вниманию свою третью книгу. В ней собраны рассказы на самые разные темы – от далёкого детства до морских историй и сказок для взрослых.

Герои моих рассказов разговаривают на простом и доступном языке. Иногда этот язык может показаться несколько грубоватым, за что я заранее прошу прощения у читателя.

Хочется выразить огромную признательность друзьям, помогающим мне словом и делом: Алле Корозьям,

левой, Татьяне Егоровой, Наталье Каминской, Татьяне Палыге, Ольге Масличенко, руководителю портала Onedivision.ru Вячеславу Устименко, Игорю Кичапову, Роману Гребенькову, Александру Че и всем, кто морально поддерживал меня во время работы над книгой.

Все события и персонажи являются вымыслом автора, а совпадения – случайностью.

В книге использованы фотографии из моего личного архива

Морские истории

Важный гость

По мотивам флотских баек.

В одной из укромных бухт Охотского моря, на фоне штилевой водной глади, прочно и незыблемо возвышалась громадина плавзавода. Между ним и бросившим якорь неподалеку, миниатюрным «пассажиром», шустро сновали крохотные мотоботы, которые занимались перевозкой вновь прибывших членов экипажа на борт огромной плавучей фабрики. Обратным рейсом они забирали отработавших свой положенный срок моряков с тем, чтобы впоследствии «пассажир» доставил их на столь желанный и долгожданный берег.

Визжали «лебедки», взмывали вверх и падали вниз «корзины» для перевозки людей. На Главной палубе царила присущая подобным моментам суета.

Работая длительное время на таких плавучих предприятиях в очень непростых условиях, соратники сближались, становились почти родными друг для друга. И совсем не удивительным казался тот факт, что на Главной палубе, в этот момент, можно было

увидеть совершенно искреннюю радость от встречи со старыми знакомыми и такие же неподдельные слёзы расставания.

Со всего Советского Союза ехали сюда молодые и не очень люди с тем, чтобы заработать неплохие деньги, обеспечить будущее своих детей, купить жильё...

Это было вполне возможно тогда, в той большой, одной на всех стране...

Молодежь создавала здесь семьи и Вашему автору доподлинно известно о том, насколько прочны были такие союзы, скрепленные совместным тяжелым трудом и солеными морскими штормами.

Среди царившей на палубе кутерьмы, своими манерами и поведением явственно выделялся один, по всей видимости, очень непростой гражданин. В отличие от прибывших на борт моряков, которые, запасаясь всем необходимым на долгий срок, волокли на себе огромные сумки с вещами, данный товарищ имел при себе лишь миниатюрный и очень модный в то время «дипломат». Безупречно сидящий на нем костюм-«тройка», строгий галстук, солидные очки в красивой оправе, а также начищенные до зер-

кального блеска, стильные, явно импортные туфли, отличали его от общей массы, одетых «кто во что горазд», горластых и возбужденных мореманов.

Солидный мужчина, снисходительно понаблюдав некоторое время за царившей вокруг суетой, неспешно подошёл к вышедшему зачем-то на палубу вахтенному штурману и негромко бросил:

– Товарищ, соберите, пожалуйста, экипаж. Будем знакомиться.

После этой, брошенной небрежно фразы, мужик, молча, повернулся спиной к растерявшемуся на мгновение штурману и так же неспешно удалился, пресекая на корню все возможные в этом случае вопросы.

Судовой «телеграф» отреагировал на это явление со скоростью «Молнии». Весть о прибытии загадочного и, скорее всего, очень грозного гостя на борт их славного плавзавода, немедленно разнеслась до самых отдаленных его уголков. Повинуясь принципу «испорченного телефона», новость обросла самыми невероятными подробностями и вскоре дошла до чутких и бдительных ушей Самого Капитана-Директора. По словам судовых кумушек, на борт прибыл не меньше, чем представитель ЦК КПСС из самой Москвы.

Кэп срочно вызвал к себе своего старшего помощника. Они с максимальной осторожностью, не обнаруживая себя, внимательно осмотрели загадочного пассажира сквозь толстые стекла иллюминатора и теперь держали совет.

– Кто такой, с «управы»? – почему-то шепотом спросил Чиф.

– Не похоже. Не видел я там этого кадра, – также потихоньку отвечал Кэп.

– Плохо дело. Наверняка упырь из министерства или того хуже... – дрожащим от волнения шепотом, предположил верный Старпом.

– Старшую буфетчицу – срочно ко мне! – отрывисто приказал Капитан-Директор, подняв телефонную трубку внутренней связи.

Высокий гость был немедленно приглашен в кают-компанию для высшего командного состава. Там он плотно и вкусно отобедал, сыто отрыгнул и покровительственно хлопнул ниже талии зардевшуюся от смущения, миловидную деваху, которая обслуживала его всё это время. Тайнственный незнакомец, не вставая из-за стола, закурил диковинную, в те времена, «мальборину». Затем, удовлетворенно откинувшись на спинку кресла, важный чин напустил на себя ещё более неприступный и загадочный вид. Курение

в кают- компании для простых смертных было категорически запрещено...

Со стороны могло показаться, что этот плюгавенький и ничем не примечательный, на первый взгляд, мужичок крепко о чём-то задумался. Не иначе, как о важнейшей государственной миссии, с коей он и прибыл на борт этого плавзавода...

Большой кинозал был заполнен почти до отказа. Все свободные от вахт и судовых работ моряки были срочно собраны для того, чтобы прослушать какое-то неведомое, но, судя по всему, очень важное сообщение.

В самом центре первого ряда монументально восседал огромный и необъятный во все стороны Капитан-Директор, получивший от судовых острословов прилипшую намертво кличку «Черчилль» – за несомненное внешнее сходство с известным политическим деятелем прошлого. По бокам от него располагалось всё высшее руководство большого плавучего предприятия.

Одним рядом выше сидели все свободные от вахт люди из штурманской и судомеханической службы. По строжайшему приказу Кэпа, все, кому положено, были одеты в парадную морскую форму.

Далее располагались начальники рангом пониже.

И, наконец, самые дальние ряды – «камчатку», занимали рядовые моряки и обработчики. Законы субординации были соблюдены безупречно!

На сцену срочно притащили обитую красной материей трибуну и графин, наполненный первоклассной водкой из личных запасов Капитана-Директора. Туда же водрузили второй графин, до краев наполненный вкуснейшим судовым компотом и блюдец с красиво разложенными на нем, небольшими бутербродами с красной икрой – на случай, если вдруг дорогой гость возжелает закусить...

Наконец, в тот момент, когда нетерпеливое и тревожное ожидание достигло своего апогея, загадочный и грозный гость появился на сцене. Внимательно осмотрев сервировку парадной трибуны и подняв крышку первого графина, товарищ удовлетворенно хмыкнул. Его нос, учуяв знакомый запах, мгновенно и предательски окрасился в багрово-алые цвета.

Будущий оратор, не спеша, оглядел зал. Там царил полная тишина, лишь неугомонная «камчатка» негромко о чём-то шушукалась. Гость неторопливо налил себе полный стакан из первого графина и, с ви-

димым удовольствием, выпил его крохотными глотками, продемонстрировав немалую закалку в этом непростом деле. Так же неспешно он прожевал бутерброд и запил всё это дело из второго графина. После этого он вновь поднял глаза и пристально взглянул на шептавшуюся «камчатку». Шум мгновенно стих...

– Ну что, товарищи, – начал таинственный гость свой монолог, – давайте знакомиться...

Бурные и продолжительные аплодисменты, рожденные в первом ряду, были дружно и быстро подхвачены всем залом. Народ был в полном восторге от перспективы знакомства с таким важным и значительным деятелем из самой Москвы!

Пока стоял шум и гвалт в зале, оратор зачем-то открыл свой «дипломат» и с трудом зачихал в него почти полный первый графин. На волне всеобщей эйфории, на это никто не обратил внимания...

Дождавшись пока в зале воцарилась прежняя тишина, «представитель высших органов» многозначительно взглянул на зал, выдерживая академическую паузу. Как же ему не хотелось произносить следующие слова!

Но делать было нечего. Он уже и так максимально растянул удовольствие от народного обожания.

– Звать меня Иван Александрович Хлестаков. Я – ваш новый Матрос-Обработчик! – выдал, наконец, обожаемый народом гость свой шикарный финальный аккорд и, подхватив в охапку свой неизменный «дипломат» изготовился для «высокого старта».

Какие-то секунды в зале стояла такая тишина, что стало слышно, как где-то в углу тихо скребются крысы.

– Ах ты, падла!!! – густым басом взревел опомнившийся Черчилль, а со стороны дальних рядов весь зал стала накрывать неудержимая лавина громового хохота.

«Высокий гость», с кейсом подмышкой, втянув голову в плечи и злорадно хихикая, стремглав бросился в сторону запасного выхода из кинозала.

– Лови этого дрыща!!! – ревел, тем временем, разъяренный Черчилль. – Я ему сейчас покажу – «знакомство»!!!

– Да ладно, Палыч, – успокаивал его сидящий рядом и вытирающий выступившие от хохота слёзы, многоопытный Чиф, – куда он денется с «подводной лодки»?!

– Ты смотри, какая сволота! Ещё и водку мою упёр! – возмущенно ревел Палыч-Черчилль. – Меня ни один гад ещё так нагло не разводил!

– Палыч, но согласись – это был высший пилотаж! – продолжал его уговаривать Старпом, не в силах унять новые приступы смеха.

– Когда найдётся – ко мне этого «пилота», я ему устрою весёлую жизнь! – уже более спокойно буркнул Кэп и сам громко расхохотался, представив всё произошедшее действие как бы со стороны...

Дальнейшая судьба виртуозного флотского «разводилы» автору, к сожалению, неизвестна. Однако Ваш покорный слуга твёрдо и непоколебимо уверен в том, что никаких особых санкций со стороны одураченного судового начальства не последовало. На флоте всегда ценили и уважали людей, обладающих здоровым чувством юмора и умеющих скрасить тяжёлые морские будни подобными «мероприятиями»...

Африканский вояж

Трудяга-сейнер под российским флагом, в крошечной темноте, неспешно скользил по штилевой глади Атлантического океана, вдоль ангольского побережья, в поисках своего косяка. Экзотическая сардинелла, в отличие от дальневосточной сайры, панически боялась любого света. При первом же его проблеске, огромный косяк этой шустрой, внешне очень похожей на родную селёдку рыбы, мгновенно разбежался в разные стороны с тем, чтобы вновь собраться потом в более комфортном для себя, тёмном месте. Вся площадь судна была расписана по зонам ответственности и тому нерадивому моряку, который забывал выключить освещение на своём участке, грозили штрафные санкции от капитана. В зависимости от его настроения, это могло быть: либо виртуозная и не очень цензурная лекция о вреде разгильдяйства, либо материальное взыскание. До последнего, впрочем, никогда не доходило.

Лишь ярко раскрашенное звёздами ангольское небо слегка освещало эту безмолвную охоту.

Никогда и нигде больше, ни до, ни после, Лёха не видел такого количества звёзд одновременно! Небо было буквально усыпано ими до самого горизонта. Они

переплетались в столь причудливые узоры, что человеку, впервые сюда попавшему, немудрено было забыть обо всём на свете и просто любоваться красочной картиной, задрав голову и не слыша ничего вокруг. Что Лёха с успехом и проделал, выскочив по звонкам на свой первый здесь замёт.

Парень быстро вылетел на палубу по сигналу с мостика, спотыкаясь в полной темноте на непривычной пока ещё для себя «трассе» и матерясь вполголоса, добежал до кормы и застыл, поражённый открывшимся ему небесным великолепием...

Обмёт рыбного косяка должен был начаться именно с его действия. Он выбрасывал самый первый – кормовой буй, затем – по цепочке, выходил за борт весь остальной невод. Тот замёт так и не состоялся. Пока Лёха, раскрыв рот от восторга, восхищённо любовался ночным великолепием, время было упущено. Судну пришлось разворачиваться и делать повторный заход под не очень приличные, но беззлобные комментарии с мостика и приглушенные смешки палубной команды...

...Лёха попал сюда от безысходности. Несмотря на трезвый образ жизни и рациональные траты, деньги закончились гораздо быстрее, чем планировалось,

а долги начали, наоборот, расти со страшной силой, неотвратимо приближая его личный дефолт.

Огромная рыбацкая организация, где он работал, ощутимо шаталась под натиском хитромудрых московских «бизнесменов». Уже было понятно, что окончательный её крах – вопрос времени. Лететь в такую даль, не имея за спиной крепкого тыла, было тогда верхом легкомыслия. Однако и долгов Лёха никогда не любил!

Получив предложение и немного подумав, собрав в кучу остатки своей прежней бесшабашности, Лёха решил рискнуть. Долги давили на психику, а слово «Африка» звало и манило к себе. В конце концов, сможет ли он вообще когда-то увидеть этот загадочный и чудный край, да ещё и на халяву?

Когда их авиалайнер, после долгого перелёта, приземлился, наконец, в аэропорту Луанды, парням открылась мрачная картина.

Колючая проволока, натянутая вдоль всей ВПП, мчавшийся вдоль неё на огромной скорости открытый джип, набитый чернокожими крепышами в военной форме и агрессивно оцетинившийся сзади большим пулемётом на треноге.

Лёхе сразу вспомнились старые фильмы про гражданскую войну, Будённого и тачанки...

Шутки закончились. В стране, куда они прибыли, уже не первый десяток лет, шла гражданская война.

– Вот это жопа, так – жопа... – угрюмо пробурчал его сосед, такой же моряк, прилетевший на другое судно.

Они долго ехали по столице страны. Более-менее приличные районы города сменились бедными кварталами. Перед ними, как в «Клубе кинопутешествий», проплывали картинки из разряда тех, которые раньше можно было увидеть лишь на телевизионных экранах.

Женщины, несущие свою поклажу прямо на голове, беспокойные ватаги детей-попрошаек, неприглядные хибары и полная антисанитария вокруг...

– Смотрите, пацаны! – воскликнул кто-то из его новых товарищей. – Здесь без русского Ваньки точно не обошлось!

Их микроавтобус стоял на перекрёстке. Мимо них переходила дорогу большая группа детей в сопровождении двух взрослых дам. По внешнему виду, это была обычная группа детсада. Дети шли парами, чинно взявшись за руки, и лишь замыкающий большую колонну пацанёнок брёл один, понуро опустив голову. Было сразу видно, что этому мальчишке приходится

здесь очень несладко. Внешне он выглядел так же, как и остальные дети: пухлые губы, большие, выразительные глаза и жесткий курчавый «ёжик» волос. Отличие было одно. Пацан был альбиносом, имея, в отличие от остальных, абсолютно белую кожу!

Лёхе стало безумно жаль этого мальчишку. Он даже хотел, открыв окно, позвать его и угостить чем-нибудь из своих запасов. Однако сопровождающий их представитель фирмы, заметив его поползновение, строго-настрого запретил это делать.

Потом был недолгий переход до своего судна на таком же сейнере и знакомство с парнями из его новой команды.

– Давай, Лёха, за знакомство! – предложил Петруха – его новый сожитель по каюте, доставая из рундука бутылку с чем-то мутным и не очень вкусно пахнущим. – Это местный самогон, вчера у барыг выменяли.

– И как он? – спросил Лёха с интересом.

– Да говно! – простодушно ответил Петруха со смехом. – Но мозги вышибает напрочь!

Остальные парни, находящиеся в каюте, жизнерадостно заржали.

Лёха вежливо отказался от угощения и прилёг

на шконку, сославшись на усталость.

– Непьющий что ли? – услышал он чей-то недоуменный шепот. – Только этого нам не хватало!

– Пацаны, надо с ним аккуратнее, вдруг стукач? – поддержал его другой «мыслитель».

Лёха едва не рассмеялся в голос у себя за шторкой от таких предположений.

– Видели бы они меня лет пять назад! – ухмыльнулся он мысленно. – Сколько я её родимой выжрал в своё время, никому из них и в кошмаре не приснится!

Успокоив себя таким образом, парень почувствовал даже некоторое превосходство алкоголика со стажем перед этими неплохими, в принципе, гостеприимными ребятами. Его мысли перенеслись в прошлое, парня с головой накрыли воспоминания...

Лёха уходил в армию. У него на руках была повестка из военкомата, и юный балбес догуливал последние беззаботные деньки на свободе.

С Ромкой – старшим другом и паханом их шпанюковской команды по совместительству, они бесцельно шарахались вечером по родному району. Когда им удалось раздобыть бутылку водки, перед ними возникла проблема, знакомая многим начинающим алка-

шам, а именно – отсутствие стакана. Пить из «горла» в те годы они ещё были не приучены.

– Лёха, смотри – свадьба! – сказал Рома, указывая на ярко освещённые окна столовой неподалеку, из которых громко доносилась танцевальная музыка. – Давай зайдём, стакан попросим.

Лёхе не очень понравилось направление мысли Романа. Русская свадьба – штука непредсказуемая. Получить там по харе, например, можно очень даже легко! Однако парню было стыдно показать себя перед старшим другом «ссыкуном и слабаком».

– Пошли! – кивнул он в ответ.

Они проскочили мимо курящих на улице мужиков (это важно!), завернули за угол и вошли в большой зал столовой.

Никто не обратил на них ровно никакого внимания! Несколько пар увлечённо исполняли в углу медленный танец, чуть поодаль от них оживлённо переговаривалась многочисленная компания.

– У кого бы попросить? – Лёха оглянулся в поисках свободного от развлечений человека.

– Лёха, ты – дурак что ли? – со смехом оборвал его поиски Рома. – Садимся и пьём здесь!

– Рома, да как-то неудобно... – замялся менее дерз-

кий и не склонный к подобным авантюрам Лёха.– Чужая свадьба, мы здесь – никто и звать нас – никак...

– И что? – ответил друг универсальным вопросом. – Кому мы здесь нужны? Кто будет спрашивать – кто ты и откуда?

– Ну, не знаю... – продолжал сомневаться Лёха.

Однако ему самому эта идея уже начинала нравиться...

– Смотри: водки – море, закуски – навалом! – тоном Змия-искусителя продолжал вещать Роман. – Садись давай, не отсвечивай, а то спалимся!

Они сели по разные стороны длинного свадебного стола, друг напротив друга. Налили по первой, по второй, плотно закусили. Мир вокруг них стал расцветать яркими, радужными красками...

Неожиданно Лёхина нога наткнулась под столом на что-то твёрдое. Заглянув туда, парень обнаружил едва начатый ящик водки. Роман тоже заинтересовался его манипуляциями внизу и, увидев результат, радостно цокнул языком.

– Берём и валим отсюда очень быстро! – ребячий пахан реагировал на такие подарки судьбы мгновенно.

– Рома, ты гонишь что ли? – Лёха едва не подавился халявным салатом от такого предложения. – Пред-

ставляешь, что будет, если спалимся?

– Мы не ссым с Трезором на границе. Трезор не ссыт, и я не ссу! – весело ответил Ромка популярной поговоркой тех времён.

– Рома, не стоит... – продолжал упираться Лёха. – Зачем людям праздник портить?

– Да им и так хватает! – горячо зашептал Роман. – Вон, смотри!

Он указал Лёхе на мирно посапывающего мордой в «оливье» индивидуума.

– Зато тебя в армию проводим, как положено!

Этот аргумент стал решающим в их недолгом споре. Грузить мать большими расходами на проводы парню очень не хотелось.

Пацаны, подчиняясь тихим командам Романа, синхронно и слаженно допинали вождеденный ящик под столом до самого выхода. Получилось это у них очень ловко, навыки футболистов очень им сейчас пригодились.

Быстро подхватив тару с обеих сторон, они были уже готовы покинуть столь гостеприимный и щедрый кров, но именно в этот момент, на их несчастье, с улицы стала заходить большая группа любителей никотина.

Быстро разобравшись в ситуации, курильщики, пользуясь подавляющим численным преимуществом, загнали пацанов в угол. Злосчастный ящик маячил между сторонами конфликта железобетонной уликой. Привлечённая шумом, из основного зала подтянулась большая группа мужиков.

Подобно незабвенному Кисе Воробьянинову из бессмертных «Двенадцати стульев», незадачливым любителям халявы впору было задать классический вопрос: «Господа, неужели вы будете нас бить?» и получить на него, такой же классический ответ: «Ещё как!!!»

Пацаны несколько не сомневались в том, что их ждёт неминуемая и жестокая расправа. Однако бить их никто почему-то не спешил. Лишь плюгавый мужичок в очках петушился в задних рядах.

– Мы вам сейчас всю харю разобьём! – непрерывно кричал он противным фальцетом. – Ворюги!

– А ты ближе подойди, родной... – мрачно предложил ему Роман, хищно сверкнув золотыми фиксами. – Что-то слышно тебя плоховато...

– Ну, всё... Милиция уже едет! – донесся чей-то голос со стороны кабинетов администрации столовой. – Сейчас сдадим этих сопливых алкашей и продолжим!

Посещение родного отдела милиции, где их обоих

знали, как облупленных, в планы пацанов не входило. За такую шалость в те годы можно было получить вполне реальный срок! Друзья затравленно оглянулись и посмотрели друг на друга.

– Лёха, попёрли! – взревел Роман и могучим ударом от души засадил в табло самому крупному и потенциально опасному противнику. – Спину прикрой!

Большой и грозный на вид мужик, абсолютно не ожидал подобной запредельной дерзости от двух сопляков. Получив добрый удар в челюсть, он грузно опрокинулся на задние ряды соратников, внося туда беспорядок и некоторую растерянность. На какие-то секунды в рядах неприятеля возникла небольшая брешь, ведущая к столь желанной для узников свободе. Именно в неё, подобно древнеримскому тарану, устремился криминальный дуэт.

Пацаны пульей пролетели вдоль живого коридора. Получив от опомнившихся неприятелей: справа по затылку, слева – в ухо и смачный прощальный пендель напоследок, Лёха, резким движением корпуса стряхнув повисшего на нём очкарика, вырвался, вслед за Ромкой на свободу.

Погоня была недолгой и не очень быстрой. Жела-

ющих первым настигнуть беспредельный дуэт, среди догоняющих, почему-то не оказалось. Воющая где-то неподалеку милицейская сирена придала пацанам дополнительные силы, и вскоре им удалось полностью оторваться от свадебного «кортежа».

– Вот же уроды! – едва отдышавшись после мини-марафона, проворчал Роман. – Зачем было ментов вызывать?

– Не говори, – поддержал его младший друг, – набили бы рожи просто и все дела...

Они были, на полном серьёзе, возмущены тем, что с ними поступили так «не по-пацански»!

– Интеллигенция! – усмехнулся их уличный атаман. – Что с них возьмёшь...

– Тебе попали хоть раз? – спросил Лёха, разглядывая друга в тусклом свете уличного фонаря и пытаясь найти следы побоев.

– Неа, – весело ответил друг, – не успели козлы...

– А мне нормально так в ухо прилетело! – ухмыльнулся Лёха, показывая заметно опухшее, после полученного туда удара, место. – И очкарик этот, сука, повис!

– Я бы этому очкастому с удовольствием грызло набил! – мечтательно сказал Ромка, и они громко рассмеялись.

– Самое интересное в том, что наш «пузырь» мы так

и не открыли! – Лёха выудил из-за пазухи непочатую бутылку водки, из-за которой всё и началось.

– Ну, значит надо ещё куда-нибудь за стаканом сходить! – пошутил Роман, и они вдвоём, вновь рассмеялись.

Воспоминания о своей буйной юности унесли парня далеко и надолго. Однако пора было возвращаться в реальность. А она оказалась не столь весёлой и насыщенной. Прибыв на судно и поговорив с несколькими парнями из своего нового экипажа, Лёха опытным глазом смог определить – ловить нечего и нормально здесь не заработаешь. Люди пахали в очень непростых климатических условиях за голый оклад, ничего не получая собственно за сам улов. Половина экипажа находилась здесь уже по шесть-девять месяцев. Особенно поразили Лёху глаза этих парней. В них поселилась какая-то тоскливая безысходность, граничащая с нервным срывом. Любитель экзотики, наконец, понял – в какую задницу он угодил, убегая от долгов, в погоне за новыми впечатлениями.

...Его африканский вояж продлился всего три с половиной месяца. Это был рекордно короткий срок. Московская фирма, в аренде у которой находились их суда, получала здесь баснословную прибыль «чёрным налом», сильно не озадачиваясь тем, чтобы и моряки,

обеспечивающие её, тоже были всем довольны.

Долго так продолжаться не могло. Последней каплей, переполнившей чашу терпения парней из команды, стало подписание Кэпом от их имени, явно кабального контракта, навязанного москвичами. Прочитав этот Договор, в котором, кроме обязанностей и штрафов для моряков, практически ничего больше не предусматривалось, «палуба» объявила забастовку.

Первая же пьянка на судне обернулась грандиозной дракой. Экипаж, как коллектив единомышленников, перестал существовать и был расформирован. Моряков начали небольшими партиями отправлять домой во избежание чего-то, более глобального и страшного.

Лёха, к тому времени уставший от дикой жары и совершенно выпотрошенный морально, был уже рад тому, что предстоит, хоть и почти безденежное, но возвращение домой. Парень впервые в жизни почувствовавший, что у него, оказывается, есть сердце, которое может биться в непривычном и пугающем ритме, сожравший половину всего запаса валидола на судне, с нетерпением ждал своей очереди на отправку.

Последнюю пару недель они работали в режиме «пассажира», доставляющего отработавшие партии

моряков на берег и вновь прибывших – в море. После того, как основная часть бунтарей была отправлена домой, на судне стало спокойнее. Матросов из России временно заменили на местных парней. Боцман Санька – на баке и Лёха – на корме, вот и всё, что осталось от могучей палубной команды на эти недели.

Парню пришлось выучить несколько наиболее универсальных слов на португальском языке для того, чтобы управлять своими новыми, мало что понимающими подчинёнными. Однако вскоре и эта задача была решена. С помощью португальских слов и могучего русского мата, Лёха сумел добиться от своей чернокожей команды умелых и слаженных действий при швартовках. Кроме них, моряки больше ничем практически не занимались...

– Ринат, глянь, что это за хрень? – спросил Лёха, сидящий в кресле вперёдсмотрящего, у вахтенного штурмана.

Он поднялся на мостик среди ночи от безделья. Спать уже не хотелось, мысли о том, куда идти работать после пролётного рейса, одолели напрочь, и парень решил немного от них отвлечься. Судно шло в Луанду с тем, чтобы отвезти очередную партию отработавших своё моряков и забрать оттуда вновь прибывших. В несении ходовой вахты необходимости не было. Атлантика в этих местах вела себя на удивле-

ние смирно и покладисто. За все три с лишним месяца пребывания здесь, Лёха не мог припомнить не только шторма, но и самого небольшого волнения. Никогда и нигде больше Лёха не встречал столь спокойного поведения моря.

Видимость была отличной. На весьма приличном расстоянии от них светило яркое, переливающееся разноцветными огнями, пятно.

– Странно... – задумчиво протянул Ринат – спокойный и приветливый молодой татарин. – Никаких судов здесь быть не должно.

Прямо на их глазах, пятно неожиданно взмыло вверх и, на бешеной скорости переместилось на огромное расстояние. Теперь оно маячило уже далеко за кормой, за несколько секунд покрыв огромное расстояние.

Ринат посчитал приблизительную скорость передвижения непонятого объекта. Она получилась настолько внушительной, что штурман озадаченно почесал затылок.

– Ни одно транспортное средство на Земле не движется с такой скоростью! – вынес он однозначный вердикт.

– НЛО? – спросил моряк.

– А хрен его знает! – просто ответил штурман.

Они взяли каждый по биноклю и выскочили на крыло мостика, пытаясь рассмотреть загадочный объект. Ничего, кроме бегающих по кругу, разноцветных огоньков, Лёхе разглядеть не удалось...

– Ну её в задницу – эту Африку – эмоционально воскликнул Ринат, который находился здесь уже десятый месяц. – Ещё пару месяцев и не то привидится!

– Ринат, но я ведь тоже это видел! – возразил Лёха. – И его скорость ты сам считал!

– Надо валить быстрее отсюда... – махнул рукой штурман. – А то крыша точно съедет!

– Это точно! – ухмыльнулся матрос. – Если не пошло с самого начала – надо валить!

Затем была долгая дорога домой. Они приземлились в Москве глубокой ночью. В ожидании своего рейса им предстояло провести там почти сутки.

Лёхиным соседом в самолёте оказался Володя – огромный бородатый мужик, напоминающий былинного богатыря. Вовка отработал в жаркой

Африке десять месяцев и был несказанно счастлив от того, что возвращается в родной город. За время полёта парни подружились. Вовку даже не смутило то обстоятельство, что Лёха был непьющим.

– Лёха, что ты в Москве хотел бы посмотреть? – за-

говорщицки спросил Володя.

– Да всё! – ответил матрос. – Я её только по телевизору и видел. – А что?

– Ты от меня не отсекайся, когда прилетим! – продолжал интриговать Вовка.

– Есть предложения? – поинтересовался Лёха более конкретно.

– У меня в Москве – друг детства! – начал Володя. – Дождёмся утра, позвоним ему, он нам экскурсию устроит. Я с ним уже разговаривал по этому поводу.

Лёха с радостью согласился. Прокатиться по столице было гораздо интереснее, чем сидеть в гостинице.

Они с нетерпением ждали того времени, когда можно будет позвонить Вовкиному другу. Едва часы показали восемь утра, бородатый реф-механик, согнувшись, протиснулся в телефонную будку. Вышел он оттуда угрюмый и озадаченный.

– Что случилось, Володя? – спросил Лёха, уже догадавшись о том, что интересной экскурсии не будет.

– Ты представляешь, мне его жена сказала, что друг детства – это не повод будить мужа утром в выходной день!

– Москва меняет людей, Володя... – сочувственно вздохнув, сказал Лёха. – Ты разве не знал этого?

– Это разве по-человечески? – с детской обидой сказал бородатый великан. – Я его лет тридцать не видел!

От огорчения и обиды Володя запил...

Он обладал поистине медвежьим здоровьем и какой-то чистой, почти детской наивностью, которая всегда подкупала и располагала к себе.

По Лёхиным приблизительным подсчётам, за эти сутки, Вовка влил в себя не менее литра водки, периодически заскакывая в многочисленные кафе «Шереметьево- 2». Но огромный мужик совершенно не выглядел пьяным!

– Володя, хоть деньги не транжирь! – рассудительно попытался образумить его Лёха. – Ты подыхал на жаре за них, а сейчас на водку тратишь! Семье доведи больше...

– Да пошло оно всё, – грустно и рассеянно ответил реф, думая о чём-то своём.

Внезапно Вовка оживился и, больно пихнув Лёху локтем в бок, громогласно заревел на всю округу:

– Лёха, смотри, это же – Грызин!!!

Пожилая дама-иностранка, сидящая неподалеку от них, опасливо покосившись на «дикого русского медведя», поспешила пересесть подальше.

Известный эстрадный певец, стоящий у одной

из касс аэропорта, обернулся на этот восторженный рёв и приветливо улыбнулся Володе.

– Да тихо ты, придурок! – трезвый Лёха тоже пихнул Вовку локтем. – Что ты орёшь на весь аэропорт?!

Однако реф не обратил на это никакого внимания.

– Слышь, мужик, ты ведь – Грызин? – не унимался простодушный мореман.

– Да, Грызин, Грызин! – успокоила Вовку эстрадная «звезда».

– Эх, жаль, что фотика с собой нет! – сокрушался Вовка. – Слышь, Грызин, а у тебя нет фотика с собой? Давай снимемся вместе, я тебе денег дам!

– Нет, к сожалению... – развёл руками певец.

С его лица не сходила приветливая улыбка.

– Грызин, братан, ты подожди, пожалуйста, пару минут, я сбегаяю – аппарат и плёнку куплю!

– Вы извините, я очень тороплюсь, – вежливо ответил певец и, взмахнув рукой на прощание, поспешил на выход.

– Вот бляха-муха и здесь не повезло! – огорченно вздохнул Володя. – Пойду, ещё вмажу!

Потом снова долгий полёт до родного города, радость от возвращения и поиски нового судна. Долги никто не отменял!

С тех пор он навсегда зарекся влезать в подобные

авантюры.

Странное дело, но, через много лет после тех памятных для него событий, Лёха вспоминает о нервном и неудачном ангольском рейсе с теплом и ностальгией. Весь негатив рассосался со временем, а в памяти осталось только доброе и хорошее.

Воспоминания о тех парнях, с которыми свела судьба, огромных акулах и барракудах, которых он видел там во множестве, местных моряках, раскрашенном причудливыми узорами, красивом ангольском небе и непонятных объектах в нём, навсегда останутся в его памяти.

И сейчас он уже совершенно не жалеет о том, что довелось посетить этот загадочный и прекрасный уголок Земли, ввязавшись в заведомо пролётный и авантюрный африканский рейс...

Всё, что ни делается – к лучшему. Это закон!

Корейские похождения

Тёплая летняя ночь неотвратимо вступала в свои права. Ласковый ветерок нежно струился по российскому флагу на корме судна. Огни огромного морского мегаполиса постепенно гасли, лишь разноцветные рекламные гирлянды продолжали зазывать припозднившихся гуляк до конца опустошить свои карманы.

Лёха, удобно устроившись в невесть откуда принесённом плетёном кресле, обложившись пачками поводцов и ящиками с крючками, тащил ночную вахту с пользой для дела. Он выполнял нехитрую, но очень необходимую для всей своей смены операцию надевания одного на другое. Время на промысле – на вес золота и отвлекаться на подобную мелочёвку никому лишний раз не хотелось. За время работы на ярусном промысле моряк миллионы раз проделывал эти нехитрые манипуляции, руки сами по себе выполняли несложную работу.

Парень поднял голову, увидел огромное звёздное небо и нашёл взглядом самую яркую звезду.

– Интересно, а видно эту звезду из окон моего Дома? А вдруг сейчас мои близкие люди тоже смотрят

в небо? Наверно можно через эту звёздочку передать им привет – такие необычные мысли стали посещать его протрезвевшую голову всё чаще в последнее время.

Он никогда раньше не замечал за собой подобных романтических порывов...

– Да уж, друг, – мысленно обращаясь к самому себе, подумал Лёха, – ещё немного и начнёшь слезливые стишки в блокнотик записывать.

Он вдруг представил, что сказал бы их ехидный и острый на язык Петрович, если смог бы прочесть сейчас его мысли.

...Когда Лёха прекратил всякие отношения с «зелёным змием», кандей долго не мог в это поверить.

В первый же их совместный – «трезвый» для Лёхи рейс, Гуру пытался вернуть разбитного моремана в свои крепкие и сплочённые ряды ежедневными приглашениями на дегустацию собственноручно изготовленной «продукции».

Через несколько месяцев бесплодных попыток к Петровичу пришло понимание того, что многолетний весёлый собутыльник потерян для него окончательно. Сначала кандей ехидно подначивал парня, намекая ему на то, что «трезвая жизнь сродни она-

низму», но потом, неожиданно для всех, превратился в ярого сторонника произошедших с молодым другом перемен.

– А, может быть, это и правильно! – задумчиво произнёс однажды Петрович. – Ты давай, держись! Увижу пьяным – уважать перестану!

– Спасибо, Петрович! – удивлённо ответил ему тогда Лёха.

– Ты ещё молодой совсем, тебе жить да жить! – грустно продолжил их, обычно острый на язык, судовой кашевар. – Ничего хорошего в этой гадости нет. Один «геморрой» по жизни...

– Петрович, так давай вместе!

– Чего – «вместе»? – не сразу понял его пожилой «гуру».

– Ну, завяжем!

Лёха понял, что сморозил глупость, и его тон стал не таким уверенным.

Петрович возмущённо хрюкнул и даже не смог сразу найти достойный ответ на подобное «святотатство».

– Лёха, у тебя уже точно все мозги высохли! – ответил парню уже их прежний – ехидный и остроумный кандей. – Это же надо было додуматься – мне такое предложить!

Возмущению идейного алкоголика не было границ...

– А что, Петрович, – подключился услышавший концовку их диалога Федя-Киргиз, – зато будешь образцовый дед – с внуками возиться и на огороде ковыряться!

Представив грозного и авторитетного «гуру» в этой ипостаси, Киргиз громко заржал.

– Чего ржёшь, придурок! – кандей переключил своё внимание на другого «молодого полудурка». – Я, между прочим, на дачу с удовольствием езжу.

– Ага... – недоверчиво протянул Киргиз.

– Вот тебе: и «ага», и «угу»! – насмешливо протянул Петрович. – Если сделать всё по уму, то и дача будет в кайф!

– Это как? – две пары ушей уже приготовились прослушать очередную неординарную историю.

И Петрович, естественно, не обманул их ожиданий.

Как оказалось, их многоопытный «гуру», по приходу из рейса, с первых денег, покупал ящик водки и, втайне от своей бабки, вёз его на дачу. Там он закапывал свой «клад» в разных местах, по всему периметру дачи. Подробный план-схема тоже при этом изготавливался во избежание потери даже самой малой части ценного груза. Затем наш изобретатель-рацио-

нализатор с чистой совестью возвращался домой и, к величайшему изумлению своей дражайшей половины, по первому зову, с видимым удовольствием ехал на ненавистные раньше «сотки».

– А там – кайф... – Петрович мечтательно закатил глазки под дружное ржание двух глоток. – Всё под рукой и свежая закуска на грядке!

...Лёха дёрнулся, больно уколол палец острием крючка. Вокруг стало совсем тихо, лишь немногочисленные автомобили нарушали эту тишину, проносясь по расположенному недалеко от их пирса широкому и ровному шоссе.

Наскоро смазав палец йодом, вахтенный моряк продолжил свою работу, мыслями вновь уходя в относительно недавнее прошлое.

...Это была первая Лёхина «заграница» и первый заход в известный корейский порт.

Пить они начали ещё на рейде. Набросав подскочившему на катере корейскому «барыге» всякой металлической всячины, они получили взамен два ящика популярной местной водки «Соджу».

Данная водка была слабее традиционной «Русской», однако Лёха сполна испытал тогда всё азиатское коварство этого «продукта».

За спиной был тяжелейший полугодовой рейс, во время которого Лёха, в буквальном смысле, едва не «отдал концы»*.

Им, на удивление оперативно, выдали всю заработанную валюту, коей оказалось довольно приличное количество. И моряк пустился во все тяжкие.

Нет, он, конечно же, добросовестно ходил с друзьями по лавкам, покупая очень модные в то время корейские одежду и обувь. Парень, дойдя до определённой алкогольной кондиции, даже пытался приобрести ствол у местного барыги с бегаящими глазками. Он не смог бы объяснить тогда – зачем ему подобная «игрушка», но именно в тот момент ему страстно хотелось иметь что-то подобное в своём арсенале. К счастью, судовые кореша оттащили его от барыги, послав того по универсальному русскому адресу.

Всё это время компания не забывала про существование небольших кофеен, в коих постепенно, всё сильнее и сильнее, накачивалась «слабенькой», на их многоопытный взгляд, «Соджу».

Воспоминания становились всё более фрагментарными.

...Вот Лёха, весьма нетвёрдой походкой, подходит

к обочине ровной и широкой трассы. Никакого светофора в пределах видимости не наблюдается, однако все несшиеся по шоссе автомобили разом остановились по обе стороны, пропуская Его Величество – Пешехода!

Пьяному «в хлам» мореману жутко понравилась такая азиатская вежливость, поэтому он, дойдя до противоположной стороны, развернулся и пошёл обратно!

Неизвестно сколько времени пьяный русский моряк испытывал бы терпение трезвых корейских водителей, не окажись рядом верного друга Федула.

Киргиз материализовался откуда-то сбоку и уволок Лёху на тротуар вместе со всеми его баулами.

– Федул, давай ещё здесь походим! – со смехом предложил другу парень. – Смотри, бля – какие они здесь все культурные! У нас давно бы уже жбан расколотили!

– И здесь расколотят, если хорошо попросишь, не переживай! – успокоил Лёху более трезвый на тот момент друг.

Первый Лёхин день «за бугром» закончился не очень удачно. Очнулся он на таможенном посту под утро. Все его сумки с покупками исчезли в неизвестном направлении. Парень мучительно пытался что-то

вспомнить и отследить их дальнейший путь, но «слабенькая» корейская водка намертво стёрла из его памяти все самые нужные моменты. Он смог лишь вспомнить многочисленных русских туристов, с которыми коротал время до прихода катера за бутылочкой всё той же «Соджу». Скорее всего, на том самом катере и «ушёл» весь Лёхин багаж вкуче со всей заработанной нелёгким трудом валютой. Пошарив по карманам, он обнаружил там лишь жалкие остатки «роскоши»...

...Металлический трап загремел и зашатался под чьими-то явно нетрезвыми шагами. Лёха очнулся от воспоминаний, отложил в сторону своё «рукоделие» и поднялся навстречу поздним гостям.

На палубе показался Чиф***. Судя по нетвёрдой походке и бодрому мотиву, который Борисыч насвистывал себе под нос, его вечер прошёл насыщенно и продуктивно.

Завершающим мазком открывшейся парню картины был гордо водружённый на плечо, огромный и красивый корейский вымпел, расшитый по бокам золотистыми драконами.

– Борисыч, ты где это взял? – удивлённо спросил вахтенный матрос.

– Где взял – там уже нет! – важно молвил Лёхин на-

чальник, останавливаясь для того, чтобы прикурить сигарету.

На шум из рубки выбрались ещё несколько «полуночников». Среди них Лёха увидел Петровича, который внимательно рассматривал издали драконов на вымпеле и что-то сосредоточенно обдумывал.

У них со старпомом были непростые отношения по причине излишней, с точки зрения Петровича, придирчивости последнего. И вот сейчас, похоже, у «Великого комбинатора» появился неплохой шанс для того, чтобы спустить заносчивого Чифа с небес на грешную землю.

Петрович ещё немного постоял, подумал и, хищно ощерившись своей золотозубой улыбкой, заговорщицки подмигнул вахтенному моряку.

Парень понял, что план созрел и утром ему не стоит слишком рано ложиться спать. Зная Петровича много лет, Лёха несколько не сомневался в том, что задуманное кандеем представление будет соответствовать самым высоким требованиям незабвенного флотского юмора.

После завтрака немногочисленные свидетели могли наблюдать, как Петрович о чём-то недолго пошептался с прибывшими на работу корейскими пере-

водчиками. Эти парни были родом с Сахалина, выросли в СССР и прекрасно ориентировались в хитросплетениях специфического российского юмора. В лихую годину они перебрались на историческую родину, но в душе всё равно остались русскими, хоть и со своеобразным разрезом глаз. Выслушав монолог Петровича, они прыснули в кулаки, но быстро взяли себя в руки, натянув на свои лица невозмутимые азиатские маски.

В это время Борисыч, под восхищённый шепоток собравшейся на перекур братвы, гордо вынес добытый ночью на чужбине красивый трофей.

– Откуда это у вас? – в голосе переводчика звенел металл, а его лицо, казавшееся восковой маской, не выражало ровно никаких эмоций.

Жёсткий немигающий взгляд требовательно сверлил «героя дня» и не давал возможности для отступления. Всё происходящее стало напоминать многочисленные фильмы про жуткую и неуловимую японскую «Якудзу».

– Славик, ты чего? – пытался разрядить обстановку почувствовавший неладное старпом.

В обычные дни переводчик Славка был «своим в доску» парнем, почти приятелем. Однако сейчас на Чифа, глазами Славика, смотрел совсем другой че-

ловек.

– Откуда это у вас? – повторил вопрос второй сахалинский кореец – высокий, крепко сложенный, спортивного вида парень.

– На улице подобрал... – быстро сообразил хитроумный старпом.

– Вы не могли найти это на улице! – отрезал переводчик.

– Почему? – пролепетал Чиф, уверенности в его голосе явно поубавилось.

– Этот вымпел принадлежит знаменитой корейской школе тхэквондо. Для того, чтобы владеть им, вы обязаны сразиться с лучшим учеником этой школы и победить его в честном бою! – бесстрастно, как робот, отчеканил добродушный обычно Славик.

– Я занимаюсь в этой школе и могу помочь с организацией вашего поединка, – ровным голосом добавил крепыш.

На палубе, тем временем, собрался уже весь экипаж. Петрович, не спеша прохаживался в задних рядах, что-то неторопливо поясняя всем желающим. Послышались смешки...

– Славик, пойдём – чайку попьёте! – пригласил кандей своих заграничных приятелей.

– Спасибо, Петрович! – ответил второй переводчик и, обернувшись к поникшему Чифу, добавил:

– Подумайте, пожалуйста, о времени и месте поединка.

Борисыч был весьма далёк от спорта в целом и от тхэквондо – в частности. Богатырским здоровьем он тоже не отличался.

...До самого конца ремонта Чиф старался не попадаться на глаза суровым корейским спортсменам, во время рабочего дня редко покидал каюту, существенно облегчив службу не только Петровичу, но и многим другим морякам. Его крутой спортивный трофей судовая братия увидела лишь после выхода в рейс, когда берега гостеприимной Кореи остались далеко за кормой.

Любой член экипажа, которому приходилось посещать каюту старпома, видел висящий на переборке большой и шикарный вымпел «знаменитой школы тхэквондо», понимающе хмыкал и прятал улыбку. Парни, которых зловредный Чиф начинал особо доставать своими придирками, непременно заводили в его присутствии разговор про восточные единоборства и обращались к Борисычу за консультациями, как к «специалисту».

За такими нехитрыми развлечениями время рейса шло быстрее, и работа не казалась такой нудной и од-

нообразной.

Однако пора и честь знать. Благодарю читателя, который осилил мою писанину и дочитал до этого места.

Я уверен в том, что, что мы ещё не раз встретимся. Но это будет уже другая история...

* Речь идёт о событиях, описанных в рассказе «Зуб мудрости».

**Чиф- старший помощник капитана. Произошло от английского – chief mate. (прим. автора).

Про Фомича – боцмана, охотника и террориста По мотивам флотских баек.

Потрепанный многомесячной «рыбалкой», переживший за рейс немало штормов и прочих напастей, старина-СТР неспешно пробивался сквозь беспокойное Охотское море на свидание с родным берегом, а его экипаж пребывал в ожидании долгожданной встречи с родными и прочих нехитрых, но таких необходимых в жизни любого человека, радостей.

Ожидание праздника, как известно, намного приятнее самого праздника.

Впервые за долгие месяцы тяжёлого и нервного рейса, люди получили возможность немного расслабиться. Казалось бы, всё самое трудное и опасное осталось за кормой, идёшь домой, сделай это просто и без приключений.

Однако так бывает не всегда...

Пошли третьи сутки перехода. За первые двое команда привёла в порядок всё своё хозяйство – каждый по своему заведованию, и теперь такое понятие, как «рабочий день», стало на траулере весьма услов-

ным.

Тут и там, то и дело раздавалось жизнерадостное ржание молодых и не очень, лужёных глоток. Настроение было праздничным и приподнятым...

Авральных работ не намечалось, свежая погода нахождению на палубе не способствовала.

Часть экипажа разбрелась по каютам после сытного обеда, некоторые моряки остались в кают-компании: сыграть партейку-другую в «Кинга» и потрепаться «за жизнь».

«Ревизорская» вахта только началась*. В связи с беспокойной погодой, Семёныч – второй помощник капитана решил вызвать на мостик опытного, много лет отходившего в моря, матроса.

Этого немолодого, невзрачного и ничем не примечательного на первый взгляд мужичка, неведомым ветром задуло на суда добывающего флота. С места прежней работы за Иваном (так звали нашего героя) тянулся таинственный шлейф неправдоподобных слухов и рассказов о его необычайных способностях.

В числе прочего, рассказывали историю о том, как ему удалось, путём какой-то чудовищно затейливой аферы, «развести» и оставить в дураках экипаж огромного плавзавода в полном составе, начиная

от капитана-директора и заканчивая уборщицей**.

В начале рейса народ из палубной команды пристально наблюдал за новичком, будучи готовым к любым неожиданностям. Однако мужичок не торопился проявлять ничего особенного, работал не хуже других, в общении показал себя весёлым и остроумным человеком.

Вскоре негласное наблюдение было снято, и моряк был полностью «прописан» на добытчике, как заслуживший доверие.

Боцман Фомич был наиболее заинтересованным лицом из числа наблюдавших за новичком и тоже смог убедиться в полной благонадежности своего нового подчиненного...

Всепоглощающей страстью Фомича была охота. В любой час дня и ночи, при слове «утка» или «фазан», рефлекс у боцмана срабатывали не хуже, чем у самого выдрессированного спаниеля.

Даже на судно Фомич умудрился пронести и вывезти в рейс выдавшую виды двустволку, которую боцман не променял бы на любой, самый навороченный и обвешанный заморской оптикой «Ремингтон».

Дичи в районе Камчатки всегда было с избытком, особенно тогда, когда приходилось работать недалеко от берега, и Фомич, время от времени, постреливал

зазевавшихся и не ожидающих подобного коварства от людей на судне, уток.

Не наживы ради, а лишь для спортивного интереса...

...Тем временем, вахта «ревизора» мерно и неспешно катилась к своему экватору.

– Иван, мне нужно в артелке кое-что пересчитать, – обратился вахтенный штурман к рулевому. – Побудь, пожалуйста, на руле.

– Нет проблем, Семёныч! – бодро ответил опытный матрос, заметно оживившись. – Считай на здоровье столько, сколько будет нужно!

– Домой идём, отчёты, сам понимаешь, – извиняющимся тоном сказал «ревизор».

– Да всё нормально будет! – бодро воскликнул Иван. На предыдущем месте работы все окружающие уже бы сильно насторожились от такой услужливости и старательности.

Однако здесь его знали ещё недостаточно хорошо...

– Если что, сразу зови меня! Кэп спросит – я в галльон отошёл! – распорядился напоследок Семёныч и убыл по своим хлопотным ревизорским делам.

– Вот он – момент! – пронеслось в голове у хронического «разводи́лы».

Примерный сценарий предстоящего спектакля был уже давно разработан в те моменты, когда Иван пристально и пытливо наблюдал за возней Фомича с любимой двустволкой, что—то сосредоточенно обдумывая. Оставалось продумать мелкие детали и терпеливо ждать подходящего момента.

Поставив руль на «автомат» и убедившись в том, что судно надежно держится на заданном курсе, Иван, не мешкая, помчался в боцманскую каюту.

– Фомич, утки! – громко сказал он, открыв дверь. Непосредственный начальник лишь недавно провалился в сладкий послеобеденный сон, но волшебное слово мигом подняло его на ноги!

Через считанные секунды, Фомич, одетый в длинные «семейные» труселя по колено и обутый в кирзачи на босую ногу, обмотанный патронташем, как пулеметной лентой и сжимая в руке любимую двустволку, нетерпеливо, как застоявшийся гнедой, перебирал ногами рядом с Иваном.

– Где? – только смог он выдохнуть.

Его глаза горели каким-то нездоровым светом азарта и чего-то ещё, очень опасного для окружающих...

– Пошли на мостик! – коротко сказал Иван и, не оглядываясь, двинулся в обратный путь.

– Ну, где твои утки? – нетерпеливо вопрошал Фо-

мич, когда они поднялись наверх.

– Были, Фомич! – уверенно ответил Иван. – Они кругами летали, их целая стая здесь была, скоро должны вернуться!

При слове «стая» Фомич хищно ухмыльнулся.

– Подождём, – сказал он, взяв в руки большой морской бинокль.

– Фомич, будь другом, побудь здесь, посмотри, мне в галльюн надо.

– Давай, – рассеянно буркнул Фомич, внимательно разглядывая окрестности с помощью бинокля.

Ещё раз убедившись в том, что «автомат» надёжно держит судно на курсе, Иван быстро скатился с вертикального трапа. Он успел вовремя. Навстречу ему уже собрался подниматься ревизор, забывший что—то на мостике.

Иван подхватил Семёныча под локоть и увлёк его ниже – в сторону кают-компаний.

– Ты что, рехнулся?! – возмущенно воскликнул ревизор в конце маршрута, пытаясь резким рывком выдернуть руку.

– Тихо ты! – прошипел Иван, заговорщицки прижав указательный палец к губам. – Не я рехнулся, у боцмана «крышу рвануло»!

– В смысле? – недоверчиво протянул ревизор, вновь начиная припоминать те слухи, в сопровождении ко-

торых появился на его судне данный индивидуум.

– Боцман судно захватил! – лихорадочно, не давая опомниться Семенычу, заговорил Иван. – Меня выгнал с мостика. Ружьём своим грозил, сука!

– А что же он хочет? – недоуменно спросил ревизор.

– В Корею он желает! – воскликнул со смехом Иван. – Понравилось ему там!

– Ладно, хорош заливать! – попытался проявить твёрдость ревизор, но наткнувшись на девственно чистый, невинный и крайне разобиженный взгляд напарника по вахте, осёкся.

– Не веришь, да? – глухо произнес Иван. – Ну, поднимись сам – посмотри! Только аккуратно, чтобы он не слышал. Пристрелить может!

Недоверчиво хмыкнув, ревизор, тем не менее, снял обувь и, оставшись в одних носках, тихо, по-кошачьему, поднявшись на необходимую для обзора высоту трапа, вытянул шею...

На мостике возбужденно вышагивал из угла в угол крайне раздосадованный боцман. Он метался с борта на борт, силясь разглядеть в бинокль неуловимых уток. В его глазах горел нехороший огонь, присущий заядлым игрокам и охотникам. В завершении всего, он ещё что—то тихо бормотал себе под нос. Трусея, сапоги, патронташ наперевес и висевшее на пузе ру-

жьё, довершали клиническую картину.

– Твою мать, точно «шифер снесло» у мужика! – прошептал Семёныч и едва успел присесть.

Резко обернувшийся на шепот Фомич чуть не заметил «засаду»!

Так же на корточках, Семёныч, «гусиным шагом» покинул опасную зону и вскоре присоединился к Ивану.

– Убедился? – коротко спросил матрос.

Ревизор кивнул головой и сказал:

– Давай, быстро парней собирай. Будем разоружать!

Через пару минут в кают-компании собралась палубная команда в полном составе.

– Надо Кэпу сообщить, – сказал кто-то из моряков.

– Не стоит! – мгновенно отреагировал Иван. – Может быть, ещё «отпустит» Фомича, а Кэп его сразу в «дурку» сдаст!

Немного подумав, Семеныч согласился с доводами Ивана.

– Значит так... – начал разрабатывать он, как старший по званию, план «операции по принуждению к миру». – Делимся на две партии, заходим с «крыльев».

В кают—компании стояла гробовая тишина. Звуко-

маскировка соблюдалась безукоризненно.

– Я его отвлекаю вопросом, а ты, Вован, подскакиваешь сзади и треножишь ему руки, как умеешь!

Огромный матрос, в прошлом мастер спорта по вольной борьбе, кивнул с мрачной улыбкой.

– Сделаем, Семеныч!

Затем началась активная фаза операции. Две группы судового антитеррора, соблюдая все меры предосторожности, двинулись на нейтрализацию новоявленного захватчика...

– Фомич, зачем тебе Корея? – вкрадчиво пропел Семеныч, заглядывая с левого «крыла» в штурманскую рубку. – Может быть, в Японию лучше рванём?

– Чего? – озадаченно протянул боцман-террорист, обернувшись на голос.

В это время, огромный Вован, броском кобры, резко прыгнул на спину захватчика.

Несмотря на солидный возраст и тучную комплекцию, реакция у охотника оказалась на высоте. Резко отскочив в сторону, Фомич смачно зарядил в ухо промахнувшейся «кобре». Оплошавший борец взвыл не от боли, а больше от досады.

– Ну, всё. Трындец тебе, пиратская морда! – глаза Вована налились кровью, и он стал напоминать раненного, но ещё не убитого во время корриды быка.

В это время, с двух сторон, на охреневшего от таких событий Фомича посыпались все участники операции «Вихрь- антитеррор».

Боцман-охотник успел заехать кому-то в глаз, кому-то от души врезал пенделя, но силы были слишком не равны...

Фомича скрутили, отобрали ружьё и довольно ощутимо надавали по организму.

Великий комбинатор, всё это время, покатывался со смеху, наблюдая со стороны за побоищем. Его не особо волновала своя дальнейшая судьба. СТР – судно довольно небольшое и скрыться от неминуемого возмездия на нем было, в принципе, невозможно.

Однако он совсем не думал об этом. Ему удалось выполнить свою миссию, ради которой он весь рейс притворялся простым, тихим и безобидным работягой.

Его слава непревзойденного флотского «разводи-лы», оставляющего в дураках не просто отдельных людей, а целые экипажи, была сполна подтверждена. Остальное для него не было чем-то важным.

Такой это был человек...

Известно также о том, что ружьё Фомичу вернули только тогда, когда на горизонте показались огни родного Владивостока.

Дальнейшая судьба виртуоза-«разводилы» покрыта густым океанским туманом...

Однако автор торжественно обещает непременно рассказать своему уважаемому Читателю о дальнейших похождениях флотского комбинатора, как только ему станет о них известно...

***«Ревизорская» – вахта второго помощника капитана. С 12 до 16-ти днём и с 00 до 04-х ночью.**

**** Этот случай описан в моём рассказе «Важный гость».**

Фантомы прошлого или Незваные гости

Очередная «явка» дымила и гудела, хмельное застолье была в самом разгаре. Лёха оглядывался во круг и никак не мог определить: чья квартира приняла сегодня их большую компанию. Всюду, куда бы он ни посмотрел, маячили знакомые и родные с детства рожи. Друзья, приятели и просто случайные собутельники, словно специально собрались вместе для того, чтобы отпраздновать какую-то, лишь только им известную, дату. В соседней комнате негромко играла музыка, преимущественно блатного направления.

Давний кореш Санька Беломор щедро набулькал полстакана и, протянув Лёхе, выдал свой обычный тост:

– Давай, Лёха! За то, чтобы у нас всё было и нам за это ничего не было!

Лёха привычно, одним глотком, опрокинул в себя содержимое стакана. Слегка обожгло пищевод, но зато потом по организму разлилось приятное тепло. Чуть позже потеплело и на душе.

– Саня, расскажи про свой рекорд! – возник Вовка Центнер из соседней комнаты.

– Да сколько можно про это рассказывать? – усмехнулся Беломор. – Вы уже наизусть всё лучше меня знаете!

– Расскажи, вон Лёха не знает! – настаивал Вован. – Он тогда в морях болтался.

– Лёха, ты что, правда, не слышал? – удивился бывалый кореш.

Лёха, конечно же, отлично знал эту историю. Такой «экслюзив» обычно распространялся их районным «телеграфом» со скоростью «Молнии». Однако видя то, что вся компашка уже приготовилась снова поржать над злоключениями своего старшего товарища, неопределённо пожал плечами:

– Я не помню, Саня, может быть, кто и рассказывал...

...Получив зарплату и щедрые отпускные, Санька загулял. Все, кто знал его, в один голос говорили о том, что, если бы не эта его любовь к спиртному, он давно был бы уже не Санькой, но Александром Ивановичем и ездил бы не на трамвае, а на собственном навороченном «Мерседесе». Руки у парня были поистине

«золотые». Он умел делать абсолютно всё! Но...

Сколько сгнуло на Руси таких – умелых и мастеровитых людей по причине своей, чрезмерной любви к водке?

И сколько ещё сгинет...

И случилось Александру Иванычу, в первый же свой отпускной день, загреметь в районный вытрезвитель, любовно называемый активно пьющим населением – «Мойдодыром».

В раннем детстве Беломор получил тяжёлую травму позвоночника, сорвавшись с большой высоты. На память об этой травме у Саньки остался большой горб на спине. Как и все горбуны, парень обладал поистине медвежьей силой, поэтому сильно сердить его «на районе» справедливо опасались.

Всей смене «мойдодыра» с огромным трудом и лишь с помощью применённых спецсредств, удалось справиться с разбушевавшимся там Беломором.

Учитывая длительную отсидку в прошлом, всё могло закончиться для Саньки самым плачевным образом – от пятнадцати суток до вполне реального срока – за сопротивление властям. Однако менты в той смене оказались не совсем паскудными мужиками

и давать дальнейший ход делу не стали. Они подошли к решению этого вопроса со своим специфическим и своеобразным юмором...

Утром начальник «мойдодыра», лично и при свидетелях, пообещал хмурому и плохо помнящему события предыдущего вечера Беломору «весёлый, содержательный и насыщенный отпуск». Ему выдали личную одежду, состоящую из порванного на лоскуты в неравном бою полушубка (дело было в разгар зимы), двух отдельных, независимых теперь друг от друга штанин и одного ботинка. Второй предмет обуви бесследно исчез в тёмных и сумрачных «мойдодыровских» закоулках.

Саня недоуменно оглядел всё это хозяйство. С помощью валявшегося в углу куска проволоки кое-как соорудил себе некое подобие штанов, намотал на босую ногу «портянку», сделанную из не очень опрятной тряпки, валявшейся там же – в углу и, спустившись на Спортивную Набережную, рванул бегом по укрепшему льду залива – напрямиком до родимой остановки.

В это раннее время там было полно любителей зимней рыбалки. Санька и сам был заядлым рыбаком, поэтому найти среди сидящих на льду фанатов под-

лёдного лова знакомых не составило труда. Учитывая рассказанные им обстоятельства проведённого накануне вечера и его внешний вид, каждый из встреченных им знакомых считал своим долгом облегчить душевные муки «невинно пострадавшего», поэтому к родимой сторонке Беломор подходил уже изрядно опохмелённым, обутом в поношенные, но ещё крепкие валенки, находясь в бодром и весёлом расположении духа. Он давно уже забыл про обещание, данное ему лично «мойдодыровским» начальником. Как показали все последующие события, к подобным обещаниям стоит прислушиваться с особым вниманием...

На твёрдом берегу его поджидал неприятный сюрприз в виде канареечного цвета «воронка».

– Что, родной, опохмелился? – высунулась оттуда большая и жизнерадостная физиономия водилы. – Садись, поехали!

– Куда? – только успел выдохнуть потрясённый таким коварством Санька Беломор.

– Как куда? Домой, конечно! – под громкое ржание зловредных ментов ответил водила.

Все дверцы «воронка» разом распахнулись, и оттуда вывалилось трое здоровенных патрульных, поигрывающих для наглядности увесистыми резиновыми «демократизаторами».

Санька оглядел стройные и могучие ряды супостатов и понял, что силы в этот раз – слишком неравны. Он тихо вздохнул и молча полез в гостеприимно запахнутый «собачник».

С этого самого дня, где бы он ни появился в родном районе, стоило ему хоть совсем чуть-чуть выпить, перед ним волшебным образом возникали представители власти, в виде участкового либо патрульных «воронков» и твёрдой, недрогнувшей рукой волокли его в, ставший совсем родным, районный «мойдодыр».

– О!!! Санёк приехал! – радостно встречал Беломора любой, дежуривший там мент. – Заходи, дорогой, располагайся!

– Лёха, ты не поверишь! – тарачил глаза, потревоженный воспоминаниями Беломор. – Двадцать четыре раза за месяц!

– Саня, так тебе надо было заявку в Книгу Рекордов подавать! – усмехнулся Лёха.

Этот «весёлый и содержательный» отпуск настолько врезался ему в память, что вытрезвители теперь стали мерещиться Саньке везде.

Однажды, возвращаясь с работы сильно подшофе, Беломор потерял ключи от квартиры и решил попасть домой своим старым испытанным способом, спустив-

шись к себе, на балкон пятого этажа, с крыши. Когда до заветной цели оставалось лишь шагнуть с перил вниз, Саня внезапно потерял равновесие и полетел вниз, обдирая по пути ветки с растущего на его счастье под балконом дерева. Он смачно врезался в грунт под балконом и затих...

«Скорая» в тот раз примчалась на удивление быстро и, не мешкая, увезла незадачливого «десантника» в дежурную городскую больницу.

Вечером на районе была спешно собрана делегация и отправлена в больницу с целью узнать – жив ли он и не пора ли готовиться к самому худшему?

«Травматология» была переполнена. В портовом городе всегда хватало и будет хватать, подобных Саньке, «артистов оригинального жанра», поэтому безлюдье и безработица подобным больничным отделениям никогда не будет грозить.

– И где его тут искать? – спросил кто-то из парней, оглядывая ряды стоявших прямо в коридоре топчанов, коек и каталок.

– А вон, гляньте пацаны! – воскликнул глазастый Лёха, указывая пальцем на стоящую чуть в стороне каталку, где лежало накрытое с головой тело.

Из -под простыни виднелись исколотые татуировками кисти рук.

– Ну всё, кранты Сашке! – вздохнул за спиной Лёхи Боб.

– Да, подожди, пойдём – посмотрим, – негромко ответил ему Вовка Центнер.

Они подошли к каталке и очень осторожно потянули простынь на себя. Под ней лежал их Санька...

Растерянные пацаны молча стояли вокруг каталки, понимая, что ничем уже не могут помочь своему старшему товарищу.

Неожиданно для всех Беломор громко икнул и открыл глаза. Увидев вокруг знакомые рожи, Саня радостно ощерился своей золотозубой улыбкой и, оглянувшись по сторонам, выдал:

– А где это мы, пацаны? «Мойдодыр» что ли?

Про полёт с высоты пятого этажа Беломор так и не смог потом вспомнить. Через пару дней, сбежав из больницы, Саня уже гонял мяч с мелкой ребятней на школьной «коробке».

...Вдоволь насмеявшись, стали наливать по второй. Всё шло по давно известному и обкатанному сцена-

рию.

Лёха никак не мог понять: что его так смущает в этой привычной для него обстановке. Ещё раз оглядевшись вокруг, он вдруг вспомнил, что многих парней из этой собравшейся компании уже давно нет в живых. Уже несколько лет, как не было в живых и его старшего друга – Саньки Беломора, который выбросился с той же самой крыши, но теперь уже сам и насмерть, оставив после себя записку весьма странного содержания. Сейчас же он сидел напротив Лёхи за столом, приветливо улыбался и протягивал ему стакан, наполовину заполненный водкой. Странное дело, но Лёхе не стало страшно от того, что он всё это вспомнил. Напротив, он чувствовал себя в этой родной компании вполне комфортно и уверено. Он принял протянутый стакан, привычно «замахнул» одним глотком и опять почувствовал приятное тепло, разлившееся по животу.

– Ты же пить бросил, дебил! – вкрадчивый и ехидный голос в голове возник как всегда неожиданно.

Лёха резко подскочил, больно треснувшись башкой об верхнюю шконку.

Во рту ещё стоял вкус водки, а в голове постепенно

затихали голоса его живых и мёртвых береговых друзей.

– Опять во сне бухал? – спросил лежавший напротив и внимательно смотревший на Лёху, его неизменный спутник по морским скитаниям – Федька Киргиз.

Ещё не проснувшийся окончательно и не отошедший от увиденного Лёха лишь молча кивнул головой.

– Ты смотри – какая зараза! – искренне посочувствовал ему морской «брат». – Сколько времени уже не пьёшь, а она всё не отпускает!

Наконец, окончательно вернувшись в реальность, Лёха обратил внимание на необычную для промыслового судна тишину. Молчал Главный Двигатель, не было слышно и шума от работающего выборочно-го комплекса. Траулер явно лежал в дрейфе, несмотря на то, что погода была вполне промысловая.

– Что-то тихо... – заметил он.

– Да, странно! – отозвался Киргиз.

Они одновременно посмотрели на висящие в каюте часы и переглянулись.

– Шесть часов! – констатировал Лёха. – Один хрен, скоро вставать, пойдём к Петровичу, он всё знает.

– Пойдём – согласился Федул.

Они поднялись со шконарей, наскоро умылись и пошли на камбуз.

Кандей вставал всегда в пять утра, не спеша обходил рабочие места промысловой смены, интересуясь ночным уловом и количеством выпущенной за время его отдыха продукции. Если результаты ночной рыбалки Петровича удовлетворяли, то и он, в свою очередь, старался угостить моряков чем-нибудь вкусненьким на завтрак. Если ночь была «пролётной», кандей называл всех «дармоедами» и к приготовлению завтрака относился формально. Таким образом, для того, чтобы узнать о результатах работы ночной смены, совсем необязательно было

выходить на палубу. Достаточно было заглянуть к Петровичу на камбуз.

– Здоров, Петрович! – приветствовали парни старину- кандея, заходя в его вотчину.

– Здоровее видали! – хмуро буркнул их бессменный кашевар.

– А почему так тихо, поломались что ли? – спросил Лёха у всезнающего кандея.

– Да какой там! – с досадой ответил Петрович. – К нам опять «друзья» пожаловали на ужин.

Дальше разьяснять ничего не требовалось. Косатки. Крупный, проворный и чрезвычайно хитрый пло-

тоядный хищник семейства дельфиновых отряда китообразных. О том, киты это или дельфины, спорят много, долго и безуспешно. Судя по данным энциклопедий, этот «зверь» скорее – и то, и другое. Зная тёплое отношение людей к дельфинам, буду называть этих мощных и грациозных существ в дальнейшем именно так.

Бич «ярусников» всего мира. Когда стая этих плотоядных дельфинов «садится на хвост» промысловому судну, занимающемуся ярусным ловом, это означает то, что экипаж автоматически остаётся без улова и, соответственно, без денег. Можно было круглосуточно мотать километры яруса, но на крючках будут приходиться лишь рыбы губы. Их судно работало сейчас на промысле синекорого палтуса. Данный вид рыбы и был, как раз, излюбленным лакомством для незваных гостей...

Безошибочно выбрав удобную для себя глубину, косяк, не утруждая себя таким «не барским» делом, как охота, подныривала и буквально высасывала уже пойманную рыбу прямо с крючков, издавая при выныривании победные звуки, отдалённо напоминающие ехидный смешок.

Все устрашающие меры воздействия, применяе-

мые к таким незванным гостям, не приносили ровно никакой пользы! Несколько раз Кэп пытался отогнать многочисленную и прожорливую стаю, разогнавшись до предельно возможной скорости и направив судно прямо на скопление « халявщиков ». Косатки, как и остальные виды дельфинов, превосходно ныряли, всплывая на поверхность через несколько сотен метров. Поэтому данная мера устрашения была для них – как « слону – дробина »!

Однажды боцман, выстроив вдоль борта всё своё палубное « воинство » и вручив каждому из моряков по фальшфейеру, пытался отогнать « банду беспредельщиков » с помощью шумового и светового сигнала. Однако и данное действие не принесло желаемого эффекта. В ответ вся палубная команда слышала всё те же насмешливые звуки.

– У ночной смены порядок сожрали! – продолжал, тем временем, свой рассказ Петрович. – Сейчас сидят, не знают – что делать!

Незванных и прожорливых гостей можно было отвадить лишь одним, известным всем способом, передав их следующему бедолаге.

– Лёха, а ты чего так рано подорвался? – отвлёкся Петрович от своего рассказа. – Опять во сне пьянствовал?

Парень имел неосторожность рассказать ехидному кандею про свои алкогольные сновидения и теперь временами очень сильно об этом жалел.

– Нет, Петрович, просто не спится, – пытался он отбрехаться от всезнающего и всевидящего «гуру».

– Ага, конечно... – ехидно протянул Петрович. – А то смотри, пойдём – по кружечке? У меня стоит. Холоденькая! Эх!

Кандей мечтательно закатил глазки и причмокнул губами в предвкушении приятного процесса дегустации.

– Нет, Петрович, ты же знаешь – я этой «мазью» больше не мажусь!

– Вот. Сейчас так и будешь, как тот онанист, только во сне и видеть! – Петрович громко рассмеялся. – Федул, пойдём, жахнем по кружке! А то я только раздражился с этим трезвенником!

Повторного приглашения Киргизу не требовалось, и они, не мешкая, стремительно исчезли в недрах артелки.

Лёха, тем временем, поднялся на мостик, где тащил «собачью вахту»* их пожилой и многоопытный старпом.

– Привет, Василич! – поздоровался Лёха с Чифом. – Что, жрут нас?

Старпом протянул ему бинокль и спросил:

– Огни видишь?

– Да, справа – на траверзе.**.

– Это сосед. – пояснил Чиф. – У него тоже «порядок» стоит. Кто первым начнёт выборку, того и сожрут!

– И сколько мы так стоять будем? – удивился Лёха.

– Не знаю. Капитан приказал ждать.

Соревнование на выдержку продолжалось почти сутки. Сосед тоже не хотел терять улов и деньги. Наконец, ближе к утру следующего дня, резко и пронзительно раздались два звонка на выборку, а возбуждённый голос Кэпа объявил по связи:

– Парни, очень быстро забираем всё на борт и сваливаем!

Сосед не выдержал томительного соревнования и начал выборку первым.

Промысловая смена умело и слаженно взялась за дело. Когда оставалось добрать совсем немного, на крючках вновь стали приходиться рыбы губы. Гости, плотно поужинав у соседа, вернулись к ним – за «десертом»...

Когда об этом доложили на мостик, по «связи» раздалось не переводимое ни на один язык мира, смачное

и многоэтажное выражение, демонстрирующее всю широту диапазона великого и могучего русского языка.

В выборочном модуле тоже особо не стеснялись в выражениях, хотя произносилось это скорее по привычке, чем по злобе.

– А вот в Америке их расстреливают с вертолётов! – блеснул познаниями один из молодых, вновь прибывших матросов.

– Это как? – поинтересовался Лёха.

– Как? Появились косатки, сразу вызывают береговую охрану и все дела!

– Всё-таки хорошо, что у нас не Америка! – подумал про себя Лёха.

Он всегда хорошо относился к животным, а посмотрев однажды фильм «Освободите Вилли!» и во все полюбил этих мощных, грациозных, хоть и хитрых чёрно-белых дельфинов. Представив, как безжалостно расстреливаются эти красивые и умные существа, он мысленно содрогнулся. Деньги деньгами, но так варварски истреблять вполне дружелюбно настроенных к человеку, хоть и прожорливых плотоядных, он считал жлобством.

Их судно полным ходом шло на север, туда, где работала основная часть экспедиции. Стая косаток

неотступно следовала за ними на некотором отдалении. Можно было разглядеть в бинокль их красивые, мощные, переливающиеся под солнечными лучами, многотонные тела, ритмично и слаженно, держа чётко очерченный строй,двигающиеся вслед за своими «кормильцами».

Кэп принял не совсем джентльменское, но единственно верное в их ситуации решение. Пройдя на минимальном расстоянии от первого, выбирающего свой «порядок» судна, он передал, как эстафету, стаю вновь проголодавшихся за время перехода незваных гостей. Яростный мат, раздавшийся в эфире через некоторое время, был тому подтверждением.

– Какой урод притащил сюда косаток? – настойчиво, но риторически вопрошал вахтенный штурман потерпевшего судна, вставляя между обычными словами образные русские обороты.

Отработав свою смену, Лёха с Федулом помылись, сходили на ужин и вернулись в свою каюту. Укладываясь в «люлю», Федул, внимательно посмотрев на друга, спросил:

– Лёха, вот если честно. Совсем не хочется вмазать? Не поверю!

Новоявленный трезвенник, немного подумав

и усмехнувшись каким-то своим мыслям, отрицательно покачал головой.

Если быть совсем уж честным, Лёха немного лукавил. «Зелёный змий» ещё никого не выпускал из своих смертельных объятий так легко и просто. У любого «завязавшего» бывают такие моменты, когда дико хочется напиться и забыть все текущие проблемы и невзгоды! Однако сейчас есть необходимый запас времени, за который Лёхин мозг успел очиститься от пьяного дурмана и вновь приобрёл способность думать, сравнивать и рассуждать логично. В подобной «расслабухе» есть, конечно, какие-то свои небольшие плюсы, только минусов и проблем получается при сравнении на порядок больше!

– Нет, Федул! – твёрдо сказал Лёха. – В это дерьмо я больше не полезу. Мне хватило!

*«Собачья вахта» – с 04 до 08 утра. Вахта старпома (сленг). **Быть на траверзе – находиться на линии, направленной на этот предмет и составляющей прямой угол с курсом судна (БСЭ).

Лёхино море

Стояла просто изумительная погода. Тёплая летняя ночь вкупе со свежим морским бризом звала к себе и не хотела отпускать Лёху в палатку. Ему казалось, что если сейчас уйти спать, то можно пропустить нечто красивое и удивительное, чего никогда больше не увидишь до самого конца жизни. Парень взял удочку – для отвода глаз, складной стул и без лишнего шума, «по английски», смылся от своей веселящейся «банды».

Они приехали в эту тихую приморскую бухту большой компанией друзей детства, как было издавна у них заведено, взяв с собой немалое количество веселящей жидкости. Сценарий таких походов тоже был известен заранее. В первую ночь выпивалось огромное количество алкоголя за тем, чтобы с утра мучительно, всеобщими усилиями, вспоминать: кто из них – чего умудрился натворить в хмельном угаре.

Лёха давно уже отказался от этой пагубной привычки, но компанию поддерживал охотно. Ведь это были его друзья, те люди, с которыми ему было суждено пройти свою сложную и непутёвую во многом

жизнь. Он был одним из них и никогда не забывал об этом, несмотря на то, что вёл сейчас вполне спокойный образ жизни добропорядочного гражданина.

Сейчас парню захотелось просто побыть одному.

Он ушёл достаточно далеко от своей неугомонной компании для того, чтобы остаться в тишине, наедине с Морем и своими воспоминаниями.

Лёха не стал даже разматывать удочку, а просто воткнул её в песок неподалёку, и, разложив стул, уселся, закрыв глаза.

Совсем рядом ласково шелестели волны, лёгкий ветерок обдавал его морской прохладой. Изредка слышались крики ненасытных чаек, ведущих свою непрерывную охоту с целью набить безразмерные желудки.

Посидев некоторое время с закрытыми глазами, он почувствовал в душе такую благодать, что ему вдруг захотелось, вскочить и, подобно орангутангу, треснув изо всей силы себя кулаком в грудь, громко заорать от восторга!

Лёха переборол в себе этот неприличный порыв и погрузился в воспоминания. Ведь он знал и помнил совсем другое Море – то, которое не прощало пренебрежительного к себе отношения и ошибок...

...Мощный удар волны сотряс борт. Со стороны камбуза раздался грохот сыпавшейся сверху металлической посуды и сочный мат Петровича, которого окатило ледяной водой из открытого по причине духоты иллюминатора. «Плюха» из-за борта прилетела как всегда неожиданно, в тот момент, когда их бесменный и опытный кандей собирался, как раз, крепить «по-штормовому» всё своё камбузное хозяйство.

Моряк бросил взгляд напротив и чуть не подавился хохотом!

Его морской братуха и многолетний «сожитель» по каюте Федька-Киргиз лежал на своём шконаре, широко разинув рот от неожиданности, весь насквозь мокрый, а на груди у него мирно покоилось толстое иллюминаторное стекло, выбитое могучим ударом.

– Кто на руле? – хриплым спросонья голосом выдавил из себя Киргиз, когда смог отдышаться после ледяного душа.

– Мажор, наверное, – взглянув на часы, ответил Лёха, не в силах подавить смех.

Федул, недобро зыркнув на чересчур развеселившегося друга, молча встал, взял большое круглое стекло подмышку и, громко сопя от возмущения, пошёл на разборки к вахтенным.

Лёха, не мешкая, поднялся и принялся затягивать изо всех сил «барашки», наглухо задраивая образовавшуюся круглую пробоину в каюте. Получить вторую «подачу» оттуда ему явно не хотелось...

Рудик-Мажор...

Сын богатого и влиятельного в городе человека, совсем молодой ещё пацан, завсегдатай тусовок в модных городских гадюшниках, называемых по недоразумению «ночными клубами». В свои двадцать с небольшим лет, паренёк успел перепробовать всю клубную наркоту, знал толк в различных коктейлях и умудрился расколотить несколько купленных состоятельным папашей весьма недешёвых автомобилей. Последний такой случай, когда Рудик вдребезги раздолбил дорожный новый внедорожник, едва не угробив при этом своих пассажиров – таких же малолетних балбесов из богатых семей и случайного прохожего, переполнил чашу терпения влиятельного папы. Горько пожалев о том, что купил Рудольфу военный билет, отмазав его от службы в армии, папаня всё-таки решил сделать из сына настоящего мужика и дать тому возможность прочувствовать на собственной шкуре – как достаются деньги. Ему не составило труда, воспользовавшись своими связями, несмотря на «белый би-

лет», устроить отпрыска на промысловое судно. Капитану при этом было дано указание: использовать зарвавшегося сынка на самых тяжёлых участках работы и не делать никаких поблажек.

Рудик привык быть первым среди равных. Папины деньги давали ему возможность, в компании себе подобных, мгновенно становиться эталоном остроумия и крутости. Молодые девчонки роем вились вокруг парня, стараясь привлечь к себе его благосклонное внимание и, чем чёрт не шутит, стать со временем частью богатой и влиятельной семьи. В любой «мажорной» компании города, Рудольф быстро и без особого «напряга» приобретал нужный вес и авторитет, свято веря в то, что это он и только он – такой исключительный и неподражаемый.

Попав на промысловое судно, в настоящий мужской коллектив, где каждому из моряков было абсолютно «по – барабану» – кто он и чей он, Рудольф заметно растерялся, хоть и старался не показывать этого никому.

В первый же день перехода в район промысла, его отправили на помощь кандею – наводить порядок в артелке, справедливо рассудив, что в палубных работах толку от него будет мало.

Под чутким и неусыпным руководством мудрого Петровича, Мажор ворочал мешки и переставлял в нужном порядке ящики со всякой всячиной. Внезапно Рудольф застыл, как вкопанный, от изумления.

– А это зачем? – спросил он у Петровича, указывая на ящик с написанным большими буквами словом «Памперсы».

– Как это зачем? – не моргнув глазом, мгновенно ответил ехидный кандей. – Ты куда приехал? Работать?

– Работать... – заморожено повторил за ним Мажор.

– Вот! – удовлетворённо хмыкнул зловредный Петрович. – Начнётся рыбалка, некогда будет по сортирам бегать! Надел и – вперёд, на работу!

В глазах юного тусовщика читался плохо скрываемый ужас.

– А я его и надевать—то не умею... – растерянно пролепетал крутой и остроумный кутила.

– Сходишь к Кэпу, он тебе наденет! – невозмутимо ответил Петрович.

Лёха и Федул, случайно услышав этот разговор и представив в красках подобную «картину», громко расхохотались.

– Чего ржёте, придурки?! – прикрикнул на них старина- кандей, выглянув из артелки. – Научили бы лучше пацана – как эту хрень надевать!

– Пусть после работы придёт, мы научим! – стара-

ьясь сохранить серьёзную мину, пообещал Лёха. – За-
чёт будем принимать вечером!

Рудик, до которого наконец дошло, что его – такого
ушлого и продвинутого, развели, как лошару, обижен-
но надулся и принялся с удвоенной энергией ворочать
нескончаемые ящики и мешки.

Стараясь не обращать внимания на ехидные под-
начки, парень упорно работал до тех пор, пока в руки
ему не попался ящик, наполовину заполненный жен-
скими прокладками.

Увидев, что его ретивый помощник снова превра-
тился в соляной столб, Петрович заглянул ему через
плечо и ухмыльнулся.

– Возьми себе несколько штук! – предложил он Ру-
дольфу. – В сапоги вставишь, поверх стелек.

– Себе вместо памперсов засуньте! – со злостью
крикнул он в ответ кандею и ржушим, как пара гне-
дых, Лёхе с Федулом, решив, что его снова разводят.

– Ну и дурак! – спокойно парировал их пожилой Гу-
ру. – Проколешь сапоги на палубе, будешь с мокрыми
ногами ходить, как дятел.

Рудик возмущённо фыркнул и выскочил из артел-
ки.

– Петрович, а откуда у тебя этот ящик с памперса-
ми? – спросил потихоньку Лёха.

– Лавровый лист некуда было положить, вот и взял

на складе пустую коробку – усмехнулся премудрый кандей. – Видишь, пригодилась, однако!

Лёха вынырнул из сладкого плена воспоминаний и огляделся вокруг. Ясное звёздное небо, целебный морской воздух и негромкий плеск волн действовали успокаивающе. Уходить отсюда совсем не хотелось, и парень вновь закрыл глаза.

...Парни из палубной команды коротали «штормовые» вечера за разговорами и байками в кают-компании, безраздельным хозяином которой был, конечно, Петрович. Работать в такую погоду было нельзя, а спать уже всем надоело. Пожилой кандей и сам любил такие посиделки. Видя то, с каким неподдельным вниманием слушают его молодые пацаны, он не переставал удивлять их новыми историями из своей богатой сексуальной практики, придумывая на ходу самые невероятные подробности своих любовных похождения. Однако на этот раз тема их разговора переместилась в более серьёзное русло.

– Море – оно ведь, как и вся планета, живое... – продолжил он начатый кем-то из моряков разговор.

– Да ладно, Петрович, хорош заливать! – попробовал возразить ему молодой «мотыль»*.

– Хорош, говоришь? – внимательно глядя ему пря-

мо в глаза, сказал их мудрый Гуру. – Вот ты откатал вчера свою гадость за борт, лень тебе было с бочками возиться, теперь жди. Море обид не прощает. Обязательно накажет!

– Ага, давай, рассказывай... – усмехнулся тот.

– Вот что делает человек, когда его кусает комар? – неожиданно спросил кандей. – Правильно! Давит гада-кровососа!

– И чего? – не совсем понимая, к чему клонит Петрович, спросил «мотыль».

– А ничего! – передразнил его Петрович. – Почему вы решили, что вам на Земле всё дозволено? Вы кто такие вообще?

– Мы – люди, Петрович! – уверенно парировал молодой загрязнитель окружающей среды. – Венец цивилизации.

– Ха! Венец! Только хреновый какой-то «венец» получается! – разозлился кандей. – Как ты думаешь: почему всё чаще случаются землетрясения и цунами?

– Ну и почему?

– Да потому, что перетравили и засрали всё вокруг себя! – разошёлся не на шутку Петрович. – Достал уже планету такой «венец»! Вот и стряхивает она нас, как клопов-кровососов!

– Да ладно, Петрович, ты сейчас наговоришь! – вмешался молчавший до этого Рудик. – Он же совсем

немного откатал, что морю от этого будет?

– Он – немного, другой – немного, третий...

Видя, что спорить бесполезно, Мажор, пренебрежительно махнув рукой, двинулся в сторону выхода на палубу.

– Ты куда собрался? – спросил у него Федул.

– Покурю на воздухе.

– Какой «покурю»!? – возмутился Киргиз. – Ты видел – погода какая? Нельзя выходить!

Но Рудик его уже не слушал. Он вообще редко прислушивался к словам других людей, считая себя всегда и во всём правым. А сейчас ему казалось жизненно необходимым продемонстрировать парням своё бесстрашие перед стихией и восстановить изрядно пошатнувшийся авторитет.

– Верните этого полудурка, а то смоег его сейчас! – с тревогой попросил парней пожилой кандей.

Двое молодых и крепких палубных матросов метнулись вслед за Рудольфом на палубу, но Мажора там уже не было...

Его испуганный и невнятный крик донёсся до них откуда-то со стороны кормы.

Рудольф сидел около швартовочного кнехта, дико озираясь вокруг и не понимая, что же с ним произошло.

Он даже не успел прикурить сигарету, как ударившая сбоку волна сбила с ног и, обратным ходом, увлекла его за собой в ледяную воду. Следующей волной его забросило обратно на судно – уже в районе кормы. Подобные случаи, хоть и очень редко, но бывают. Крутому клубному тусовщику очень сильно повезло. Он совершил два полёта подряд – за борт и обратно, не получив при этом никаких серьёзных травм.

Его быстро затащили вовнутрь, ощупали на предмет переломов и привели в чувство. Кэпу решили не докладывать о ЧП, так как за подобное «приключение» пострадало бы много невинного, в сущности, народа...

С того-самого дня, мнимой «крутизны» и спеси у Рудольфа сильно поубавилось и через пару месяцев, в палубной команде, наравне с остальными, работал уже совсем другой Рудик – вполне нормальный парняга, весёлый, горластый и остроумный, безо всяких претензий на собственную исключительность!

...Как же не хотелось отсюда уходить! Столько звёзд одновременно Лёха видел лишь однажды в жизни – в Африке. Тогда он, засмотревшись на причудливые звёздные узоры, проворонил команду на постановку буя, и судну пришлось делать второй заход на косяк сардинеллы, а Лёха узнал про себя много но-

вого от Кэпа – на потеху всей палубной команде!

...Уже немолодой, заработавший на своём морском веку немало всяческих болячек и не наживший почти ничего материального Лёха никак не может расстаться со своим Морем. Оно приходит к нему во снах, будоража его память воспоминаниями о многих простых и хороших людях, с которыми столкнула его морская судьба. Он часто вспоминает мудрые слова всезнающего Петровича.

– Море, оно только с берега хорошо и красиво смотрится, когда на пляже сидишь! – говорил их мудрый Гуру, переводя дух после очередного рабочего дня. – А вот работать там сможет далеко не каждый...

Приезжая в свой родной портовый город, Лёха при первой возможности идёт на берег. Он идёт на свидание с любимым морским воздухом, которого ему сейчас так не хватает. На свидание со своим Морем. На свидание со своей безалаберной, но прекрасной молодостью...

Сейчас Лёха, с противной старческой дотошностью, заставляет близких тщательно убирать за собой весь мусор, остающийся после отдыха на пляже. Скорее всего, тем самым, он пытается отдать долги сво-

ему Морю за тот вред, который ему пришлось вольно или невольно причинить за время своей работы на флоте.

Ведь это Море. Его Друг, которого никогда нельзя давать в обиду...

***Мотыль- моторист (жаргон).**

Братья наши меньшие...

Про Петровича и Бандеру

Тяжёлые свинцовые тучи настолько низко нависли над бушующим морем, что казалось: ещё чуть-чуть и линия горизонта будет полностью скрыта под этим мрачным, всепоглощающим покрывалом. Огромные, высотой в несколько метров, черные от ярости волны, беспощадной лавиной налетали с левого борта, стараясь смять, опрокинуть и полностью уничтожить небольшой «ярусник», который упорно пробивался через этот неумолимый водяной вал, держа курс на спасительную бухту.

Несколько часов назад, экипаж добытчика, спешно выбрав на борт остававшиеся в воде «порядки»*, попытался укрыться от надвигавшегося на них, страшного шторма.

Убежать не удалось, и теперь лёгкое, совсем не предназначенное для работы в суровом Охотском море, судно проходило внеплановое испытание на прочность.

...Ещё несколько лет назад этот новоиспеченный «ярусник» спокойно себе возил трубы по американской Миссисипи до тех пор, пока хваткие русские ком-

мерсанта не выкупили его, переоборудовав в добытчик и мини-фабрику одновременно и не отправили ловить палтус в студёное Охотоморье.

Если под промысловые работы судно было переделано вполне толково и качественно, то остальные моменты быта и безопасности на нём вызывали множество вопросов. Были известны примеры, когда несколько однотипных трубовозов, переоборудованных в «рыбаки- добытчики», уже нашли своё последнее пристанище на дне ледяного Охотского моря. В нескольких случаях – вместе со своими небольшими экипажами...

Американский трубовоз не имел абсолютно никакой ледовой защиты...

Лёха и его неразлучный морской друг Федя-Киргиз, конечно же, слышали про эти случаи. Их огромная рыбацкая «контора» доживала последние деньки в своём прежнем, монументальном и незыблемом виде. Флот распродался, экипажи оставлялись без заработанного тяжёлым трудом в море при первой возможности. Там, куда засунул свой нос ушлый московский барыга, добра не жди...

Парни, скрепя сердцем, написали заявления в от-

деле кадров. Им было безумно жаль расставаться со ставшими родными, отечественными СТРами, но делать было нечего. Пришло время менять фирму.

Рыбацкий стаж, в том числе и на «ярус», позволил им быстро найти себе новое судно и «контору». Следующим местом работы для них и стал бывший американский трубовоз с романтическим названием «Принцесса Эсмеральда».

Узнав о том, что штатный кандей** списался с «Принцессы» по болезни, они, не мешкая, подтянули своего старшего друга и Гуру – Петровича...

...Изрядно побитая, но выдержавшая крутую трёпку «Принцесса» добралась всё-таки до укромной бухты. Судно сменило курс и, буквально через полчаса хода, о том, что экипаж совсем недавно был свидетелем настоящего светопреставления, напоминала лишь лёгкая зыбь на ровной водной поверхности.

– Всем, свободным от вахты, отдыхать до обеда! – раздалась команда Кэпа по внутренней связи.

...Петрович явился на борт, держа на правом плече огромного, раскормленного сверх всякой меры, котюру. О том, каким образом ему удалось протащить этого жирного монстра через две таможни, история

умалчивает.

– Знакомьтесь, пацаны, это Васька – смущенно про-
басил суровый кандей.

Лёха с Федулом прыснули в кулаки.

– Петрович, у Сильвера хоть попугай говорящий
был! – смеясь и пожимая руку старому другу, восклик-
нул Федул. – А ты этого Толстопуза приволок!

Кот, до этого мирно дремавший на крепком, на-
дежном плече, приоткрыл один глаз и внимательно,
как бы запоминая, посмотрел на шутника.

– Молчи, придурок! – зашипел на Федула кандей. –
Наживешь себе геморрой на весь рейс!

– Это ещё почему?! – изумился Федул.

– По кочану! – Петрович был, как всегда, макси-
мально лаконичен.

Их пожилой Гуру знал, о чём говорил.

С момента выхода в рейс и до самого возвраще-
ния домой, Киргиз стал постоянной жертвой чрез-
вычайно мстительного, как оказалось, котяры. Он,
с незавидной регулярностью, обнаруживал следы ко-
шачьей жизнедеятельности в опрометчиво оставлен-
ных на виду тапочках и на легкомысленно развешан-
ной слишком низко одежде.

Жирный монстр «мочил» его, во всех смыслах это-
го емкого слова, всегда и везде, где и когда только мог.

Со временем, в число жертв наглого котяры попали ещё несколько моряков, которые осмелились выразиться о нём с недостаточным пиететом.

Поразительным образом хитрый, хвостатый упырь обходил своим вниманием средний и старший командный состав!

На все возникающие претензии к хозяину «мстителя», Петрович уходил в глухую оборону, времена переходящую в яростные контратаки.

Наглый и паскудный по характеру кот напоминал сентиментальному кандею о родном доме и ему прощались любые выходки.

Почувствовав за мохнатой спиной крепкую и непробиваемую «крышу», котяра оборзел окончательно.

Прежний домашний любимец и баловень Васька сгинул. За сволочной и зловредный характер, моряки нарекли его «Бандерой».

Кличка прилипла намертво. Даже авторитетный Петрович ничего не смог с этим поделать. Прошла первая возмущенная реакция на не очень лестную характеристику для своего любимца, и он махнул рукой. Бандера так Бандера. Похож.

Однако хитрому и нахальному котяре удалось поработить далеко не всех на этом судне.

Судовой щенок-подросток по кличке «Персик», например, остался совершенно безразличным к неожиданной смене власти.

Едва Бандера, в свойственной ему, наглой и циничной манере попытался заявить о своих исключительных правах на верхней палубе, то сразу же получил добрую трёпку в ответ. Под натиском более крепких лап и клыков, Бандера, изловчившись напоследок нагадить Персику: «по- маленькому» – в будку, а «по- большому» – в миску, навсегда убрался под защиту крепких дверей и переборок.

Вахтенного штурмана, который имел удовольствие наблюдать с верхнего мостика финальные аккорды кошачье-собачьей войны, едва не хватил удар от хохота!

Но зато во внутренних помещениях судна, благодаря мощной протекции авторитетного Петровича, котра чувствовал себя спокойно и вольготно.

...Лёха открыл глаза и, по многолетней привычке, посмотрел напротив. Федул тоже не спал. Они синхронно взглянули на часы.

– Десять часов, – сонным ещё голосом сказал Лёха, – встаем?

– Пора! – бодро отозвался Федул. – Всё равно, скоро

обед...

– К Петровичу? – привычно спросил Лёха.

– А есть другие варианты? – ухмыльнулся Киргиз.

Всё у них было давно расписано годами совместной работы и жизни в море.

Здесь необходимо сделать небольшое лирическое отступление...

...Нижняя палуба, где находилась сейчас вотчина Петровича и куда направлялись наши неразлучные друзья, получила название «моржовой» среди моряков-старожилов этого судна. На все Лёхины расспросы о причинах происхождения такого странного названия, старожилы лишь ухмылялись.

– Выйдем в рейс – сам всё поймёшь! – недовольно буркнул угрюмый и малообщительный боцман Кузьмич и тоже усмехнулся, явно что-то вспомнив.

И Лёха, действительно, быстро всё понял, едва их «Принцесса» покинула гостеприимный корейский порт, вышла в открытое море и судно начало основательно валять из стороны в сторону.

Всё дело оказалось в большом фекальном танке, который располагался прямо под этой-самой палубой, где находились несколько жилых кают, столовая команды и камбуз. Об массивную железную крышку

этого люка, Лёха не раз спотыкался, проходя в столовую и обратно, но никогда бы сам не догадался о том, какой неожиданный сюрприз она под собой скрывает.

Корейская говновозка приходила к ним строго по расписанию, и её график никогда не совпадал с датой их выхода в море. Откатывать что-либо за борт в порту было строго-настрого запрещено под страхом крупного штрафа, поэтому первые пару дней, до тех пор, пока содержимое танка не откатается в море, а сам танк основательно не промоется, на нижней палубе стояла жуткая вонь.

Живущие там моряки были просто вынуждены постоянно ходить с ватными тампонами в ноздрях, становясь похожими на моржей, гнусаво матерящих америкосов-извращенцев. Главным «моржом» стал, естественно, Петрович, которому, кроме всего прочего, приходилось ещё и работать в столь сложных атмосферных условиях.

По причине постоянно торчавших из носа кандея ватных тампонов, его густой и сочный бас приобрел некий гундосый оттенок.

Лёха с Федулом, подкравшись к переборке, отделяющей вотчину Петровича от остальной части нижней палубы, судорожно тряслись в беззвучном хохоте, слушая, как их суровый и авторитетный Гуру, виртуозно

и гнусаво материл американских корабелов, их Президента и всю Америку в целом...

Парни, спустившись на «моржовую» палубу, застали там живописную картину.

Их друг Петрович, по причине старческой рассеянности, забыл убрать с разделочного стола, оставшийся после завтрака, огромный кусок сливочного масла.

Такой зловерный тип, как Бандера, просто не мог не воспользоваться такой возможностью!

Кусок был надкушен и облизан со всех сторон. Котьяра сожрал столько масла, сколько смог вместить его безразмерный желудок!

Обожравшись до предела, Бандера в изнеможении отвалился на спину и, в таком положении, сладко уснул, будучи чрезвычайно довольным жизнью. Он даже не потрудился покинуть место преступления и замести следы. Все его четыре конечности были широко разбросаны в стороны. Шикарный пушистый хвост котьяры торчал перпендикулярно, промеж задних лап, символизируя собой: то ли стойкую эрекцию, наступившую от полученного удовольствия, либо тот самый орган, который Бандера класть хотел на глупых двуногих с их примитивными правилами приличия.

Федул понимающе хмыкнул и рванул вверх по трапу, направляясь в сторону промысловой палубы, где, скорее всего, пребывал забывчивый кандей, наслаждаясь ароматом сигареты и свежим морским воздухом.

– Ах ты, скотобаза! – раздался рев немедленно причавшегося по «тревоге» Петровича. – Ну, падла, держись!

Он метнулся за перегородку и выскочил оттуда, крепко сжимая в руке огромный половник.

Котяра дико взвыл, подлетел над столом и, приземлившись на все четыре лапы, несмотря на свой гигантский вес, шустро юркнул под ногами у друзей в сторону спасительного трапа.

– Ну, ты смотри какая сволота! – обиженно пробасил кандей, когда друзья присели за обеденный стол. – Ведь ни в чём отказа не знает!

– Разбаловал ты его, Петрович, – осторожно сказал Лёха, опасаясь нарваться на яростный отлуп защитника животных, – совсем оборзел он у тебя...

Кандей лишь огорченно махнул рукой в ответ и о чём-то ненадолго задумался...

– Вот так и у людей... – неожиданно нарушил он молчание, видимо вспомнив что—то из своей богатой жизненной практики.

Из-за переборки выглянула хитрая усатая морда и немигающим взглядом уставилась на Петровича.

– Иди отсюда, гад! – кандей замахнулся половником на предателя. – Видеть тебя не желаю!

Морда беззвучно скрылась за переборкой...

Работающая напротив видеодвойка демонстрировала сцену из какого-то гангстерского боевика, в которой безутешные мафиози хоронили своего, безвременно ушедшего от них, коллегу.

– Да уж... – задумчиво протянул Петрович, глядя на экран. – Сегодня ты – кум королю и сват министру, а завтра – удобрение и на тебя собаки сверху ссут...

Лёха с Федулом озадаченно посмотрели на Петровича, удивившись такой неожиданной смене темы разговора.

– Что вылупились, придурки?! – с притворной грозностью рыкнул на них Гуру. – Или я не прав?

– Прав, Петрович, базара нет, – синхронно ответили «придурки», ожидая продолжения.

Старательно исполняемое мурлыканье неожиданно раздалось откуда-то снизу. Неизвестно как просочившийся мимо собеседников котяра, проник под стол и ластился к Петровичу, истово вымаливая себе

прощение.

– Вот ведь гадюка! – растроганно пробасил грозный Гуру. – Веревки из меня вьёт...

Глаза всегда боевого и громогласного кандея предательски увлажнились.

Парни переглянулись, встали и потихоньку вышли на трап, пользуясь тем, что их Гуру полез под стол – извлекать получившего амнистию, гнуса Бандеру.

– Старееет Петрович! – произнес Федул, когда они поднялись на верхнюю палубу.

– Да... – согласно протянул Лёха и ехидно добавил. – А ты жди завтра утром «подарок» от Бандеры за то, что сдал его!

Лёха рассмеялся, а Федул грустно и обреченно вздохнул.

– Парни, обедаем и выходим на промысел! – раздался голос Кэпа из динамика судовой связи, висевшего прямо над ними.

Лёха и Федул оглянулись вокруг....

Играя лучами с легкой зыбью на воде, светило неяркое, но такое желанное северное солнце. Сейчас уже ничего не напоминало о том жутком шторме, сквозь который довелось пройти вчера хрупкой «Принцессе».

«Моржовая» палуба уже не испытывала на проч-

ность их обоняние и все остальные бытовые неудобства нового судна становились всё более привычными.

Забегая вперед, могу сказать, что «Принцесса Эсмеральда» стала по-настоящему родной для парней. Они сделали на этом судне не один, и даже не два рейса...

Лёха, превратившись со временем в толстого и тяжелого на подъём обывателя, иной раз с тоской вспоминает те славные времена, когда он не мог уснуть в полной тишине квартиры, не слыша работы Главного Двигателя или выборочного комплекса. Вспоминает классных парней и мудрых старших товарищей, с которыми довелось пересечься на долгом морском пути. И даже паскудного типа Бандеру, он с удовольствием чмокнул бы сейчас в нос, предварительно угостив чем-нибудь вкусеньким...

Время неумолимо. Грустно, господа и товарищи...

Про весёлую швартовку

В одной из укромных бухт холодного Охотского моря, на лёгкой водной зыби, тихо покачивался, бросив якоря, старина- плавзавод.

Работа на нём не прекращалась ни на минуту. Вот и сейчас, одна из смен большой плавучей фабрики выдавала очередные тонны готовой продукции на стол большой страны.

Со стороны открытого моря к плавзаводу, бодрой и уверенной поступью, лихо заходил на швартовку один из приписанных к нему траулеров добывающей флотилии.

И, вроде бы, всё шло своим привычным чередом. Всё, за исключением одного интересного момента...

Законное место капитана при швартовке, на крыле мостика, с левого борта, занимал огромный и чёрный, как большой кусок рубероида, красавец-дог!

Положив передние конечности на борт, массивный, устрашающего вида пёс, как влитой, врос крепкими задними лапами в палубу, застывшим, немигающим взглядом, снисходительно поглядывая на царившую вокруг рабочую суету. На голове дога гордо красова-

лась парадная штурманская фуражка.

Швартовые команды на баке* и корме, натянув на свои физиономии непроницаемые маски японских «якудза», изо всех сил старались сдержать рвущийся наружу смех, глядя на изумленные лица «базовских», сбежавшихся со всех концов огромного плавзавода для того, чтобы поглазеть на диво дивное.**

Их удивление легко можно было понять. Ведь не каждый день увидишь такую «картину маслом», когда собака руководит швартовыми операциями...

– Сейчас цирк начнётся! – бросил Лёха, стоящий с «выброской»* наготове своему давнему другу Федулу.**

– Борисыч в своем репертуаре, – хмыкнул в ответ Киргиз, попутно готовя к отдаче прижимной конец.

Парни, в отличие от остальной команды, без труда сохраняли невозмутимый вид.

Ещё бы им было удивляться, если несколько минут назад, они собственноручно натягивали «штурманку» на голову всеобщего судового любимца, по просьбе своего изобретательного и неугомонного Кэпа.

Борман сперва отчаянно сопротивлялся, не понимая: что вдруг потребовалось от бедной собаки двум

молодым и одному пожилому придуркам.

Однако потом, после ласковых уговоров Самого Кэпа и щедрого угощения сытной американской ветчиной от спешно примчавшегося по вызову Мастера, кандея Петровича, умный и сообразительный пес проникся важностью момента и позволил надеть на себя фуражку, которую парни, для надёжности, подклеили к собачьей голове небольшими кусками скотча.

Сейчас Борману даже нравились всеобщее внимание и восторженные возгласы в свой адрес. Пёс уже не пытался сбросить с головы символ власти и поклонения. Дог гордо приосанился и с ледяным спокойствием принимал многочисленные знаки внимания от «базовских», напоминая холодный монумент в центре Охотского моря.

Борисыч находился здесь же – на крыле.

Сидя в укромном уголке на крохотном стульчике, Кэп вполголоса отдавал привычные команды рулевому, невозмутимо попыхивая ароматным дымом заморской сигареты.

Андрей Борисович – капитан сего славного траулера был обладателем очень маленького роста. Даже

стоя на ногах, он был едва заметен на крыле мостика...

Кто-то другой, может быть, жутко переживал бы по этому поводу. Кто-то, но только не их жизнерадостный и юморной Мастер**...**

– А что, пацаны, – сказал он друзьям незадолго до описываемых здесь событий, на очередном перекуре. – Борман всё равно ко мне на каждую швартовку приходит и торчит на крыле. Вот и пусть руководит, раз вымахал такой здоровенный!

– Борисыч, а тебе не «прилетит» потом с управы? – скорее для порядка, спросил кандей, обожающий подобные «концерты». – Сдадут ведь, как пить дать!

– Дальше Охотоморья не сошлют! – усмехнулся Кэп.

...Представление удалось на славу! По его окончании, на крыло к Борману полетели, подобно букетам цветов в театре, щедрые гостинцы от восторженных зрителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.